

Глава X. СЕНТЯБРЬ – НОЯБРЬ 1920

Итак, с 27-го сентября 1920 г. махновщина прекращает враждебные действия против Соввласти. Она становится союзницей Красной Армии против Врангеля и буржуазии. Повстанцы идут рука об руку с рабочим классом и умеряют столкновения середняка с пролетариатом, выхватывая его из-под влияния кулака.

29-го сентября как союзники, а не как враги, мы входили в Старобельск, нас встречали криками «Ура». Вечером было расширенное заседание Совета Революционных Повстанцев Украины (махновцев) и командного состава. Многие анархисты и командиры нападали на меня за союз с Соввластью. Махно в таких случаях разжигал страсти. Он говорил: «Я болен и не работаю в Совете... Ответственен за соглашение Белаш со своими приверженцами: мы с них после спросим».

В заключительном слове я сказал, примерно, следующее:

«Мы должны сказать ясно: подчиняемся Совету или нет?! Если да, тогда надо исполнять его распоряжения. Нет, значит он лишний в нашем повстанческом организме, и, естественно, его надо распустить. Кто скажет, что он лишний, я ему отвечу, что такие слова могут быть на устах махрового белогвардейца. Совет — это организация, объединяющая вокруг себя революционное повстанчество и состоящая из представителей анархических организаций, повстанческих частей и самостоятельных партизанских отрядов. Совет — это голова повстанческого великана, обеими ногами стоящего на Украине и Дону. Очевидно, что вокруг Совета группируются не только революционные элементы, а и контрреволюционные, кулацкие и люмпен-пролетариат. Присасывающиеся к нему представители различных классов и народных групп ставят в угол внимания свои политические и экономические выгоды. И, если они Советом будут руководить, то тогда мы не сможем являться выразителем народной анархической воли, тогда мы вообще ни к черту не годны, нас надо заменить. Если же положительные качества работы Совета налицо, и если он до сих пор является анархической активной группой, ведя пока борьбу за независимость армии, ибо только в этом залог победы, тогда надо ему доверять. Выкрики в его адрес, что Совет стал Советским и его надо распустить, есть глупое заблуждение, или явная контрреволюция. Если вы ему доверяете, то будьте любезны и подчинитесь, а ослушаетесь, он найдет достаточную силу, чтобы подчинить ослушников дисциплине!»

Горячие головы, в интересах которых продолжение с Соввластью войны было выгодно, после моего выступления, охладели. Они увидели, что Совет не намерен сентиментальничать и тут же подчинились и подписали проект договора. По моему настоянию, выделенная из состава Совета дипломатическая комиссия в составе Буданова,

Хохотвы и Клейна была утверждена собранием. Комиссия не замедлила выехать в Харьков для подписания договора. Мы оставались в Старобельске и приводили себя в «божеский вид», подлечивали раны, ремонтировали и чистили оружие, обсуждали наметившееся соглашение.

Тогда же 29-го сентября 1920 г. заседало политбюро ЦК КП(б)У, где в протокол записали: «Слушали: 2. О переговорах с Махно. Постановили: а). Поручить Оргбюро совместно с Реввоенсоветом Юго-Западного фронта Манцевым и Закордотом (Закордонный отдел ЦК КП(б)У) наметить представителя при Махно. б). Дать подпольной организации директивы оказывать содействие Махно, обращая главное внимание на усиление в его отрядах дисциплины, революционной спайки. в). Наши отряды, не вливаясь в отряды Махно, входят по мере надобности в оперативный контакт. г). Сформулировать директивы поручить т. Косиору. д). Соглашение не оглашать, ограничиваясь сообщением после перехода Махно в тыл Врангеля. е). Против освобождения анархистов не возражать, что поручить т. Манцеву.

Секретарь ЦК С. Косиор»[936].

И в то же время В. Ленин, обеспокоенный переносом срока наступления на Врангеля, телеграфировал Л. Троцкому: «Прилагаю при сем информацию т. Склянского.

Выходит, что наступление на Крым отложено до 27/X !!!

Есть ли об этом решение РВСР???

Главком мне хвастал, что 10 (или 8) октября у него все будет готово для наступления. Значит, наврал?

Когда решили дать туда Буденного? Ведь без него обещали вдвое большие силы.

Наконец, если уж менять старый план, то недостаточно ли дать 1 дивизию?

Выходит, что все расчеты Главкома ни к черту не годны и еженедельно меняются точно у невежды! Крайне опасные шатания! Ленин»[937].

И тогда же Совет Революционных Повстанцев Украины (махновцев) писал в своем обращении к повстанцам:

«Всем отдельным отрядам и группам революционных повстанцев, действующих на Украине.

Товарищи повстанцы!

Тяжелый час настал на родной Украине. Обратно на измученную родину надвигаются грозные тучи. С запада идет ненавистный каждому украинцу исторический враг — польская шляхта. С юга неудержимо врзается все глубже и глубже в сердце Украины душитель народа немецкий барон Врангель. Зарвавшиеся было коммунисты и комиссары получили снова хороший урок. Пришлось им признать, что без украинского народа и вольного повстанчества они что-нибудь сделать бессильны. С другой стороны, Совет Революционной

Повстанческой Армии Украины (махновцев) пришел к заключению, что, оставаясь в настоящее время безучастным зрителем, украинские повстанцы помогли бы воцарению на Украине либо исторического врага — польского пана, либо опять царской власти, возглавляемой германским бароном. Как одно, так и другое — смерти подобно для селянства Украины. Учитывая вышесказанное, Совет Революционной Повстанческой Армии Украины (махновцев) принял решение, временно, до разгрома наседающих внешних врагов и панских наймитов идти в союзе и рука об руку с Советской Красной Армией. Для исполнения этого постановления Совет Революционных Повстанцев Украины (махновцев) предлагает всем без исключения отдельным группам и отрядам (повстанцев), действующих на Украине:

1. Прекратить (всякие) враждебные действия против Советской Красной Армии, а также против каких бы то ни было советских учреждений и их работников.
2. Все живые и здоровые силы вольного повстанчества должны влиться в ряды Красной Армии, войдя в подчинение и под командование командиров последней.

Соглашение на этой почве Совета Революционных Повстанцев Украины (махновцев) с Реввоенсоветом. Украинской республики достигнуто.

На основании этого соглашения все раненые и больные, имеющиеся при отдельных повстанческих отрядах, поступают на обеспечение и лечение советских лазаретов. Весь личный состав повстанческих групп и отрядов, а также и их командиры при поступлении в Красную Армию (условно до 1 ноября 1920 г.) никаким репрессиям, наказаниям или преследованиям за их прошлые деяния не подлежат. Переход повстанческих групп и отдельных отрядов в ряды Красной Армии должен произойти организованно через местных, уездных или губернских начтылов или специальных уполномоченных Реввоенсовета Республики.

Совет Революционной Повстанческой Армии Украины (махновцев), признавая, что повстанцы, оставшиеся после прочтения настоящего извещения пассивными, или продолжающими враждебные действия, или нападения на советских работников и чинов Красной Армии, будут считаться, как изменники повстанческому делу и враги повстанческого движения. С такими, как борющимися против своих братьев-повстанцев (махновцев), находящихся в рядах Красной Армии, Совет Революционной Повстанческой Армии Украины (махновцев) будет расправляться, как с простыми бандитами.

Совет Революционных Повстанцев Украины твердо уверен, что вольное повстанчество Украины не пойдет по двум разным дорогам, но сплоченно, как в 1918 и 1919 гг., последует на зов испытанных революционных вождей батьки Махно и Совета Революционных Повстанцев Украины (махновцев). Председатель Революционной Повстанческой Армии Украины (махновцев) батько Махно. Командарм С. Каретников г. Изюм 1/X-1920 г.»[938].

Красное командование ответило на это следующим приказом:

«2 октября 1920 г. 2 час. 30 мин.

Вследствие соглашения с партизанской армией Махно о прекращении военных действий и переходе ее в подчинение командованию Южфронта приказываю: 1. Часть войск внутренней службы Южфронта Украины оттянуть на линию Купянск – Кременная – Переездная. 2. Всем частям войск прекратить военные действия против Махно, оставаясь впредь до распоряжения в ныне занимаемых пунктах и приняв все меры охранения. 3. На пути следования частей партизанской армии отводить части войск внутренней службы по указанию уполномоченного Реввоенсовета Южфронта т. Иванова.

О получении настоящего приказа донести.

Командюж Фрунзе. За члена РВСЮжфронта Л. Малиновский. Врио начштауж Паука»[939].

В Совет повстанцев, ввиду назначения его секретаря в дипломатическую комиссию, был кооптирован Попов, который не замедлил принять дела. Вскоре из Харькова к нам прибыла советская правительственная миссия в количестве 3-х человек: Иванова, Александрова и Васильева.

К этому времени отношения красного командования к нашим отрядам на Украине, как-то: на Херсонщине — Павловского, Иванова, Гладченко; на Полтавщине — Христового, Двигуна, Белокоза, Кикотя, Иванюка, Матвеевка, Садового[940]; на Черниговщине — Шубы и других; на Екатеринославщине — Бровы, Вдовиченко, Каленика, Лозового, Семерки[941]; на Харьковщине — Колесникова, Савонова[942], Сыроватского и других, по-прежнему, оставались враждебными.

В результате 3 октября 1920 г. венгерский красный отряд отказался участвовать в карательных экспедициях и заявил о своем желании об отправке его с внутреннего фронта на врангелевский или польский, так как они не могут ориентироваться в данной обстановке. Уговоры не помогли — отряд разоружили и отправили в г. Харьков[943].

Предсовнаркома В. И. Ленину в этот же день была отправлена телеграмма, в которой говорилось:

«№ 17/111 3 октября 1920 г.

...Части армии надломлены предшествующими неудачами и, несмотря на значительные подкрепления, ударов врага не выдерживают.

...Наша задача — во что бы то ни стало продержаться на левобережном участке и прикрыть Донбасс, не вводя в бой пока не готовой правобережной группы. Задача крайне трудная, ибо дух войск надломлен, среди масс идут разговоры об измене, свежих же резервов нет, положение усугубляется дезорганизацией тыла. В самом Харькове у меня сейчас нет ни одной надежной части. Настроение запасных частей, почти совершенно раздетых и плохо питаемых, определенно скверное. Чувствую себя со штабом фронта окруженным враждебной стихией. Настроение можно переломить только крупным успехом на фронте...

Фрунзе...»[944].

До приезда к нам Советского представительства мы колебались, подпишет ли правительство договор.

Но наше сомнение рассеялось на первом заседании штаба совместно с совпредставителями, уверявшими, что договор будет подписан, что мы получим автономию Гуляйпольского района. И штаб отдал распоряжение всем группам и отрядам — прекратить военные действия против Советской власти и немедленно выйти в Чаплинский район для соединения с Повстанческой Армией.

6-го октября командюж телеграфировал Предсовнаркому В. И. Ленину:

«№ 23, г. Харьков

...Большие задержки по переброске частей и пр. вследствие усиленной деятельности бандитских шаек в Правобережной Украине, а также Кременчугской губернии. Из-за этого же часто нарушается связь. Продолжают чувствоваться большие недостатки в области снабжения как на фронте, так и в тылу, Обращаю внимание на необходимость серьезных мер по приведению в порядок в политическом отношении 1-й Конной армии. Полагаю, что в лице ее мы имеем большую угрозу для нашего спокойствия в ближайшем будущем. Желателен приезд в части армии т. Калинина. С Махно вопрос кончен в смысле соглашения, с 12 октября можно его направлять на фронт. Ожидаю донесений от нашей делегации, выехавшей к нему, дабы окончательно установить военную линию поведения в отношении его. Его делегация прибыла в Харьков...

Фрунзе»[945].

Советское правительство подтвердило наличие наших формирований в тылу Врангеля, при «благосклонном»его участии.

Штарм отдал и этим отрядам распоряжение (Володину, Прочану, Савченко[946], Ищенко, Самко, Чалому, Яценко[947]) о прекращении военных действий против Красной Армии, обращая их внимание на наш союз и выступление на Врангеля.

Помню, я писал, чтобы они временно не порывали «миролюбивой»связи с Врангелем, а готовились ударить ему в тыл, как только будет приказано Советом.

Секретная агентура с нашими распоряжениями уехала в разные концы Украины, а мы получили следующее распоряжение:

«Приказ Командарму Повстанческой. № 056/с, 246/оп 8 октября 1920 г.

На левом берегу Днепра от его устья до района Никополь противник пассивен. В районе Александровска группируется его 1-й корпус. Из района Волноваха противник отошел в район Гуляй-Поле, Пологи, Цареконстантиновка.

Приказываю:

Первое. Повстанческой Армии с получением сего выступить из района Старобельск и следовать по маршруту Ново-Екатеринославль, Изюм, Барвенкова, Петропавловка и сосредоточиться в районе Мал. Михайловка за Чаплино, Григорьевка, Покровское. Штарм — ст. Чаплино.

Второе. Необходимые предметы снабжения начснабдюж отправить на ст. Изюм.

Третье. Начсвязи фронта подготовить связь Чаплино — Харьков.

Четвертое. Представить подробный расчет движения армии. О прибытии в Изюм, Барвенкова, Чаплино телеграфировать.

Пятое. О получении и распоряжениях донести.

Командюж Фрунзе»[948].

В этот же день мы вышли из Старобельска на Изюм. 8-го октября мы прибыли в город Изюм, где пробыли до 13-го числа. Из Харькова в наш адрес прибыло 300 седел, 20 000 патронов и 300 снарядов. По распоряжению Совета наша дипломатическая комиссия была усилена новыми членами: Куриленком и Поповым, которые уехали в Харьков с некоторыми тяжело ранеными командирами.

Из Харькова приехал профессор-хирург, он оперировал Махно ногу. Кроме того, из Харькова прибыла группа набатовцев и Гавриленко, который сидел с марта 1920 г. в тюрьме, а теперь был освобожден. Я назначил его своим помощником. Набатовцы принялись за печать. Наша газета «Повстанец» к этому времени выходила, если не ошибаюсь, 20-м номером: она была насыщена статьями о Врангеле и советских тюрьмах.

Вокруг соглашения были всевозможные толкования и догадки. Но В. И. Ленин на совещании актива московской организации РКП(б) от 9 октября 1920 г. определенно выразил уверенность в порядочности союзника:

«...По словам т. Троцкого вопрос о Махно обсуждался весьма серьезно в военных кругах и выяснилось, что ничего, кроме выигрыша, здесь ожидать нельзя... Договор наш с Махно обставлен гарантиями, что против нас он не пойдет...»[949].

Но о каком выигрыше шла речь? Кто у кого хочет выиграть? Что и зачем?

Так, например, большевистская газета «Всероссийская кочегарка» в статье — «Коммунистические организации и военное соглашение с Махно» писала: «Для каждого члена партии важно уяснить себе сущность военного соглашения с Махно.

Прежде всего, следует строго различать военное соглашение от соглашения политического.

Наступление Врангеля заставило идеологов кулацкого анархизма — махновцев призадуматься над последствиями своих бандитских выступлений против Советской власти. Какими бы соображениями субъективного характера ни руководствовались главари

махновского движения, для них все же стало ясно, что объективно все их действия льют воду на контрреволюционную мельницу Врангеля; что они, выступая против Советской власти для осуществления своих кулацко-анархических идеалов, на деле приближают господство помещиков и, тем самым, дискредитируют себя в глазах широких масс незаможного крестьянства. Они должны были поэтому на деле показать, что они против помещиков, что они против Врангеля.

Своим решением заключить военное соглашение с Советской властью и фактом выступления против Врангеля с оружием в руках, они хотят вернуть себе прежнюю, правда, печальную славу защитников трудящихся. Недовольство селян, на практике испытывавших, к чему ведет борьба махновцев с Советской властью, внесло различие в массы, группирующиеся вокруг махновского знамени и во имя спасения своего что они за Советскую власть.

Но Коммунистические организации и каждый член партии в частности должны отчетливо уяснить себе, что пропасть, отделявшая махновщину от задач Коммунистической партии, несколько не уменьшилась в связи с военным соглашением с Махно. Каждый член партии должен вскрывать перед массами сущность анархо-кулацкого движения, возглавляемого Махно и его единомышленниками.

Это военное соглашение должно быть широко использовано, как факт для агитации против махновщины. Оно должно еще рельефнее подчеркнуть правильную политическую линию Советской власти и контрреволюционности всяких выступлений против нее; с чьей бы стороны они не исходили и какими бы “заманчивыми” лозунгами они не сопровождались. Военное соглашение с Махно не есть признание махновщины; наоборот, оно лишний раз подчеркивает, что всякая махновщина, предоставленная своему естественному развитию, в конечном счете вырождается в голый, ничем не прикрытый бандитизм, ищущий в данном случае искупления своих тяжких грехов перед трудящимися в борьбе с контрреволюцией плечом к плечу с Красной Армией.

Наша задача вырвать почву из-под ног махновщины, дискредитировать ее в глазах селянских масс и фактами доказать ее контрреволюционную сущность.

Наша задача не дать махновщине нажить политический капитал. На этом вынужденном соглашении с нашим военным командованием это должно похоронить махновщину раз навсегда»[950].

Вносил ясность и наш орган:

«Ответ всему трудовому народу.

После долгой оборонительной борьбы против Советской власти, Революционная Повстанческая Армия Украины вошла в соглашение с командованием Красной Армии для совместного действия против контрреволюции — барона Врангеля.

До сих пор среди трудящихся масс достигнутое соглашение между революционным повстанчеством и командованием Красной Армии является неясным и непонятным. Многие

крестьяне, рабочие и красноармейцы задают друг другу вопросы и спрашивают нас, революционных повстанцев, что вынудило нас прекратить враждебные действия против Советской власти и войти в соглашение с командованием Красной Армии после долгой взаимной вражды, которая сопровождалась кровавыми столкновениями. Что заставило нас примириться с Советской властью после того, как она нас беспощадно преследовала, арестовывала и вела определенную клевету в адрес Революционных Повстанцев.

Что заставило нас, Революционных Повстанцев, войти в соглашение с командованием Красной Армии и Советской властью идти совместно против общего врага, контрреволюционного Врангеля.

После того, как мы вели беспощадную борьбу с комиссародержавцами в селах и деревнях, с политкомами и военкомами и всякого рода назначенцами, и суровой дисциплиной в Красной Армии, против принудительного труда на заводах и фабриках и др. предприятиях, засилием бюрократизма во всех учреждениях и всяких принудительных и насильственных мер со стороны Государственной Советской власти.

Что побудило нас совместно с Красной Армией пойти плечо к плечу на общего врага барона Врангеля и так далее.

Революционные повстанцы были и будут непримиримыми врагами Советской власти, где торжествуют бюрократизм, насилие, несправедливость и неравенство. Мы боролись с комиссародержавцами, бюрократизмом, спецями и с их всяким произволом и насилием над трудовым народом. Мы не признавали и не намерены признавать бюрократических советов, которые являются бременем и тяжестью для трудового народа. Нас, Революционных Повстанцев, Советская власть дважды объявляла вне закона и жестоко преследовала, совместно с этим искусственно направляла на нас трудовой народ, вводя его в заблуждение. Советская власть внесла недовольство и вражду среди трудящихся, ослабила у него энергию к творчеству и порыв к сплочению и отражению общего врага контрреволюции. Наши враги междоусобицей среди трудящихся масс Украины, усиленно с?алч мип»и.и.»[951] и Врангелю в посылке военного снаряжения и амуниции. Желая этим подавить российскую революцию и восстановить старые порядки генералов, помещиков и капиталистов. Революционные повстанцы на протяжении всей революции стояли на страже защиты трудового народа и боролись с германско-австрийской оккупацией, с гетманской и деникинской властью и всякими контрреволюционными силами. Поход контрреволюционного барона Врангеля на Украину для нас, Революционных Повстанцев, является новым порабощением трудящихся масс. Поэтому мы, учитывая надвигающуюся свору контрреволюции со стороны Врангеля и Антанты, сочли необходимым ради спасения Революции и трехлетнего завоевания обратиться телеграфно к Советской власти с требованием нижеследующего:

Харьков Предсовнаркома Раковскому, копия Москва Кремль Ленину, копия всем Советам России, Украины.

Неоднократно командование Рев. Повстан. Армии Украины в целях активной борьбы за интересы тружеников, за социальную революцию направляло свои боевые части на

наступающего Врангеля, надеясь, что только совместная борьба на фронте против общего врага трудящихся — белогвардейщины сможет выявить действенность средств между тружениками, поставленными во имя интересов вашей партии в положение враждебных сторон, несильные враждебные отряды частей вашей армии в ущерб тружеников, в ущерб интересов революции, направляемые вашей рукой, преступно мешало Рев. Совет. Армии Украины нанести должный удар наступающей белой своре, вынуждая нас, обороняясь, курсировать в тылу Красной Армии.

Совет и Командование Рев. Повст. Армии Украины телеграфно по адресу Председателя Совнаркома Раковского указывали на столь печальный противоречащий интересам революции факт. Настоящий, требующий от революции напряжения всех сил момент мы, в интересах трудящихся, в интересах революции, обращаясь к вам, именующим себя революционерами, требуем: 1. Предоставления нам участка фронта против Врангеля. 2. Немедленного освобождения всех арестованных махновцев и анархистов. 3. Созыва Всероссийского съезда крестьян и рабочих, на котором сами труженики смогут найти общий трудовой язык в общих трудовых интересах. Совет Рев. Повст. Украины (махновцев) Председатель совета Батько Махно Секретарь Попов.

Советское правительство изъявило полное согласие вести переговоры с Реввоенсоветом Революционной Армии Украины и пришло к соглашению совместно действовать против контрреволюционного барона Врангеля на нижеследующих условиях... (См. ниже. — А. Б.).

Революционные повстанцы входят в соглашение с командованием Красной Армии, Советской властью для совместной борьбы против контрреволюционной своры и ничуть не намерены отказываться от своих идей и мировоззрений к достижению намеченной цели, как-то проявление инициативы в строительстве народного хозяйства (вольных общин) с помощью вольных экономических союзов (советов), которые без вмешательства какой-либо политической партии должны разрешать назревшие вопросы среди крестьян и рабочих.

Мы ничуть не отказываемся вести борьбу против засилия бюрократизма и произвола комиссародержавцев и всякого рода насилия, которое является бременем для трудового народа и язвой для хода и развития революции. Мы по-прежнему будем вести идейную борьбу против насилия государственной власти и нового порабощения трудового народа государством. Ибо для этой борьбы мы, Революционные Повстанцы, вышли из недр трудового народа, и обязанность наша защищать интересы трудящихся от всякого насилия и гнета, откуда бы оно не исходило.

Военный Совет Революционной Повстанческой Армии Украины (махновцев).

Председатель Реввоенсовета Батько Махно.

Секретарь Рыбин»[952].

По поводу соглашения «Путь к Свободе» от 13 октября продолжала:

«Враждебные действия между революционными повстанцами-махновцами и Красной Армией прекратились.

Вокруг перемирия создались какие-то недоразумения, неясности, неточности; говорят о том, что, мол, Махно раскаялся в своих прежних действиях, признал Советскую власть и т. д.

Как же мы понимаем, какое содержание вкладываем в мирное соглашение? Ясное дело, что никакого идейного контакта и сотрудничества с Советской властью или ее признания не могло и не может быть.

Мы всегда были и будем идейными непримиримыми врагами партии коммунистов-большевиков.

Мы никогда не признавали никакую власть, и в данном случае не можем признать Советскую власть.

Так что снова напоминаем и лишний раз подчеркиваем, что не следует спутывать, злостно или по непониманию, военный контакт, являющийся следствием грозящей революции опасности, с каким-то переходом, “слиянием” и признанием Советской власти, что не могло быть и не будет»[953].

Но органы красных все же и на этом соглашении желали нажить себе политический капитал. В частности, данная листовка политуправления Реввоенсовета 12-й армии это подтверждает:

«Почему Махно против Врангеля?

...Из кого состоят отряды Махно? Из крестьянства, большей частью кулаческого, которое все время подрывало нашу Советскую работу в тылу. Они пускали под откос наши поезда, нападали на наши обозы.

...И эти кулаки под предводительством Махно в один прекрасный день всенародно повесили двух делегатов Врангеля, которых тот послал к ним для переговоров о борьбе с Советской Россией, пришли к нам с повинной и заявили о своей готовности воевать с Врангелем.

Почему же это произошло?

Потому, что кулаки-махновцы очутились на распутье — или с Врангелем, который несет крестьянству рабство и разорение, или с Советской властью, которая борется за освобождение крестьянства и рабочих.

И Махновцы избрали последнее. Они поняли, что только с Советской властью рука об руку с Красной Армией они сумеют уничтожить белого барона, который протянул свою хищную лапу к крестьянской земле.

Так постепенно переходит на нашу сторону крестьянство, даже кулачество, явно настроенное против Советской власти.

Даже кулаки начинают сознавать, что у крестьянина есть один путь — вместе с Советской республикой на войну с белогвардейцами.

Поступок Махно послужил примером для тех немногих забитых, темных крестьян, которые еще до сих пор не решились открыто пойти с нами, и заставить их влиться в наши красные ряды.

Кулачество прозревает. Оно нанесло первый удар Врангелю переходом на нашу сторону...»[954].

И, действительно, Старобельское соглашение способствовало революционной активизации части населения, уклонявшейся от участия в гражданской войне. Так, только на Украине, по подсчетам большевиков, в течение августа – декабря 1920 г. было выявлено около 500 тысяч дезертиров.

Из г. Изюма мы вышли на фронт, отведенный нашей армии командованием фронта, организованном в первых числах октября, во главе с тов. Фрунзе.

От Беловодска и до фронта наша армия наглядно таяла. Союз с Советским правительством разъедал кулацко-армейские элементы, отчего они начали дезертировать. Так, группа донских казаков под командой Фомина[955] из отряда Каменева в составе 500 штыков и 200 сабель по дороге на Старобельск самовольно ушла на Дон. Бывшие пленные красноармейцы, влитые в 4-й пехполк 2-й группы Петренка, в составе 300 штыков, уворовав 15 пулеметов, бежали в Богучарский район. Группа Каменева в составе 4 000 штыков, 600 сабель при 4-х орудиях и 70-ти пулеметах в походе на Изюм свернула на Луганск, а 9-й пехполк, во главе с командиром его Пархоменком[956], спровоцировав батальон 5-го полка и дивизион 6-го конного, общей численностью 2 000 штыков, 150 сабель при одном орудии и 50 пулеметах, повернул в Воронежскую губернию. Из города Изюм командир 4-го пехотного полка Бондаренко[957] (известный эксист и террорист по Харькову), бывший помощник Гаркуши[958], три недели назад убитого в Донщине, также захватив 7 пулеметов, эскадрон конницы 2-го полка, ушел вверх по Донцу под Харьков. А командир 8-го пехотного полка имени Живодера, известный старик Матяж, пытался из Барвенкова свернуть на Полтавщину, но был схвачен. Комиссия антимахновских дел, во главе которой стоял Зуйченко, приговорила его к смерти и по разрешению Совета приговор был исполнен, а полк обезоружен.

Итак, из армии бежали части, группы, одиночки. Это помогло увидеть, что из себя представляла махновщина раньше. К дезертирам Совет применял репрессивные меры, но остановить процесс не мог. Мы утешали себя мыслью, что армия очистилась от враждебных ей элементов, от попутчиков — кулаков, а, возможно, и белогвардейцев. Лучше качество, да меньше, чем количество, да хуже.

Попутчики от нас отошли, не пожелав примириться с Соввластью. В армии остались старые кадровые повстанцы, испытанные в боях и закаленные в походах.

Ко всем дезертирам мы были враждебны; отчего предлагали советским представителям свою помощь в борьбе с ними. Однако, борьбы не было, ибо дезертиры потихоньку уходили и от своих вожakov.

Спустя некоторое время Каменев, Бондаренко, Пархоменко, Фомин и другие писали нам: «Мы не хотели мира с большевиками, которые способны обмануть. Мы не желали проливать свою кровь на врангелевском фронте лишь потому, что нашими плодами воспользуются большевики. Мы не признаем их революционерами и боремся с ними как с государственниками, властителями и законниками. Желаем вам успеха в деле разгрома Врангеля и умоляем — не ложите пальцы в рот большевикам — откусят».

Вот последствия, вызванные нашим союзом с Совправительством! Не порывая связи с этими отщепенцами, Совет упрасивал их не выступать против Совправительства. И они, оставшись с маленькими отрядами, сидели на одном месте и не проявляли себя агрессивно. Фактически наши отряды, кроме вышеупомянутых, с 10-го октября прекратили борьбу с Красной Армией и всеми советскими и партийными организациями. Частично они разбрелись по домам, скрылись в подполье, а частью прибыли в армию. Так отряд Савонова в г. Изюме был присоединен к армии; группа Сыроватского и отряд Колесниченко в пос. Барвенково влились в 3-ю группу Забудька; отряд Бровы прибыл к нам на фронт; отряд около 1 000 штыков и 500 сабель во главе с Христовым позже с Полтавщины прибыл в Гуляйполе.

Наши представители в Харькове: Куриленко, Буданов, Попов, Хохотва и Клейн передавали по телеграфу:

«Сего 16-го октября 1920 года Президиум Центрального Исполнительного Комитета Украинской Республики постановил: 1). Приостановить всякие судебные-административные или другие преследования против лиц, арестованных за участие в действиях в махновских анархических организациях. 2). Всех вышеупомянутых лиц, находящихся под арестом, заявивших о своем отказе прибегать к вооруженной силе против власти Украинской Социалистической Советской Республики, немедленно освободить и восстановить во всех правах. 3). Все лица, принадлежащие к махновским анархическим организациям, отказавшиеся от вооруженной борьбы с Советской властью, пользуются наравне со всеми рабочими и крестьянами всеми политическими и гражданскими правами.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Петровский.

Секретарь — Казимерчук».

Свое распоряжение правительство обещает поместить в газете «Коммунист» № 236. За время нашего пребывания в Харькове отношение к нам самое вежливое. Успели подписать сегодня договор, вот он:

«Военно-политическое соглашение между правительством УССР и Армией Махно.

Объединенное и организованное наступление на нас Польши, Врангеля и антантовских империалистов поставило нашу революцию под угрозу смертельной опасности. Повстанческая армия махновцев ввиду этого решила прекратить вооруженную борьбу с Советским правительством, установив с ним военно-политическое соглашение в целях решительного разгрома отечественной и мировой контрреволюции.

Вот тексты этого соглашения, подписанного уполномоченными Советского правительства и Революционной Повстанческой Армии Украины (махновцев).

I.

Условия предварительного соглашения по политическому вопросу между Советским правительством Украины и Революционной Повстанческой Армией Украины (махновцев): 1). Немедленное освобождение и прекращение преследований в дальнейшем на территории Советских республик всех махновцев и анархистов, за исключением вооруженно выступающих против Советского правительства. 2). Полнейшая свобода агитации и пропаганды как устно, так и печатно, махновцами и анархистами своих идей и пониманий без всякого призыва к насильственному ниспровержению Советского правительства и соблюдением военной цензуры. В деле издания махновцы и анархисты, как революционные организации, признанные Советской властью, пользуются техническим аппаратом Советского государства, подчиняясь правилам техники издания. 3). Свободное участие в выборах Совета, право махновцев и анархистов вхождения в таковые и свободное участие в подготовке созыва очередного V Всеукраинского съезда Советов, имеющего быть в декабре с. г. По поручению Советского правительства УССР Я. Яковлев. Уполномоченные Совета и командования Революционной Повстанческой Армией Украины (махновцев) Куриленко, Попов.

Условия предварительного соглашения по военному вопросу между Советским правительством Украинской республики и Революционной Повстанческой Армией Украины (махновцев)

II.

1). Революционно-Повстанческая Армия махновцев входит в состав вооруженных сил Республики как партизанская, в оперативном отношении подчиняется высшему командованию Красной Армии, сохраняет внутри себя установленный ранее распорядок, не проводя основ и начал регулярных частей Красной Армии. 2). Революционно-Повстанческая Армия Украины махновцев, продвигаясь по советской территории к фронту и через фронты, не принимает в свои ряды частей Красной Армии и дезертировавших из таковых.

Примечание: встретившиеся и примкнувшие к Революционно-Повстанческой Армии в тылу Врангеля красные части и отдельные красноармейцы из таковых по встрече с частями Красной Армии подлежат возвращению в последнюю. Оставшиеся в тылу Врангеля повстанцы-махновцы и местное население, вновь вступающие в ряды Повстанческой Армии, остаются в последней, хотя бы прежде и были мобилизованы в Красную Армию. 3). О состоявшемся соглашении Революционно-Повстанческая Армия Украины (махновцев) с командованием Красной Армии и Советским правительством Украины в целях уничтожения общего врага — белогвардейщины доводит до сведения идущей за ними трудовой массы путем соответствующих воззваний с призывом о прекращении враждебных действий против Советской власти, причем в целях достижения большего результата Советское правительство должно также немедленно опубликовать состоявшееся соглашение. 4). Семьи Революционно-Повстанческой Армии махновцев, проживающие на территории

Советской республики, в льготах приравниваются к семьям красноармейцев и получают от Советского правительства Украины соответствующие документы.

Командующий Южфронта Фрунзе.

Члены Реввоенсовета Южфронта Бела Кун, Гусев.

Уполномоченные Реввоенсовета Повстанческой Армии (махновцев) Куриленко, Попов»[959].

— Постой, Василий, — спросил я Куриленко, — а четвертый пункт, самый главный, что с ним, почему нет в разделе первом? Куриленко отвечал: «По настоянию правительства он выделен и подлежит обсуждению по партийной линии. Все же они обещают его подписать, да и мы надеемся, что не будем обмануты, ибо у них на польском фронте неважно, хотя и начали говорить о мире. К тому же, на врангелевском — совсем паршиво», — ответил он.

Четвертый пункт раздела первого был в следующей редакции: 4) Организация в районе действий махновской армии, местным рабоче-крестьянским населением вольных органов экономического и политического самоуправления, их автономия и федеративная связь с государственными органами Советских республик[960].

Куриленко продолжал:

«Вам надо воздержаться от наступления, надо перед правительством вопрос о 4-м пункте поставить ребром с фронта: оно подпишет и сейчас».

Я ему ответил, что из-за простой формальности Совет не намерен удерживать части, готовые в поход. Мы будем с фронта требовать насколько возможно, но не можем не выступить сегодня же на Врангеля. Плохие вы дипломаты, — заявил я. Вы прошляпили договориться по вопросу финансов и снабжения армии вооружением, снаряжением и продовольствием. Кроме того, недостаточно проявляете себя в деле печати: толкайте, раскачивайте набатовцев!

Затем я ушел в Совет, которому передал договор. В штабе меня ожидали, вернувшиеся из врангелевской тыловой разведки повстанцы, посланные еще из Старобельска, которые информировали о дислокации и численности сил противника.

Прежде чем об этом говорить, считаю необходимым вернуться к истории врангелевских побед.

Как я упоминал, Врангель перешел в наступление на северную Таврию с 8-го июня. К первому июля он расширил операционный плацдарм от Черного моря вверх по Днепру до ст. Попово, что в 30 верстах южнее Александровска, и перешел границу Екатеринославской губернии.

Вслед за конным корпусом Жлобы, красное командование на Каховском плацдарме попыталось перейти в наступление. 6–7 августа красные части перешли Днепр, но 11-го были оттеснены на правый берег, причем сильно пострадала 15-я стрелковая дивизия. 5-го

сентября на этот участок Врангель перешел в наступление всем 2-м армейским корпусом генерала Витковского, общей численностью свыше 700 штыков при 7-ми танках и 11 аэропланах. Но, ворвавшись в Каховку, белые, потеряв до 300 пленными и 6 танков, вернулись обратно: красная группа Саблина ликвидировала атаку.

15-го сентября Врангель с моря и суши занял г. Бердянск и Верхний Токмак, а 17-го оттеснил Красную 13-ю армию на линию Пологи и Малая Токмачка. Закрепив Днепр и Александровский участок, он развивает наступление в северном и восточном направлении и к 18 сентября занял линию: Урзуф, Стародубовку, Темрюк, Цареконстантиновку, Гуляйполе, Заливное и Михайлово-Лукашево. К 22-му он занял г. Александровск, Синельниково и селения, что в 15 верстах юго-восточнее города Екатеринослава, очистив от красных частей левый берег Днепра от моря до Екатеринослава.

В связи с успехом Врангеля положение на юге Украины было угрожающим. С одной стороны, на Ореховских позициях он разбил 13-ю Красную Армию, прикрывающую Донбасс, отчего на Юзово дорога была ему открыта; с другой — абсолютная деморализация красного тыла в связи с рейдированием махновцев и всесторонней их поддержкой со стороны середняка и кулака, и, с третьей — на Врангеля до сих пор мало обращали внимания в центре. Крымский участок был подведомствен штабу Юго-Западного фронта, отчего был организован неважно. Лишь 24 сентября красная печать призывала: «Все на Врангеля!» После чего началась мобилизация.

Но белые развивали наступление. 25-го сентября они заняли Мангуш, Розовку и Керменчик, а 28-го — Мариуполь, ст. Волноваха, с. Константиновку, Комарь и ст. Гайчур.

30-го сентября врангелевцы занимают ст. Караванную, что 25 верст юго-восточнее г. Юзово, ст. Мандрыкино, что 18 верст южнее Юзово, хутор Натальевский, с. Кирсановку, Анастасьевку, что по реке Мокрый Еланчик в 30 верстах западнее и северо-западнее г. Таганрога.

Заклучив перемирие с махновцами, красное командование бросает против Врангеля свои незначительные резервы, освободившиеся от тыловой опасности. 8-го октября они переходят в наступление и занимают Мариуполь, Волноваху, Гайчур и Синельниково, а на Каховском участке красные партизаны сжигают три моста, наведенные противником через р. Днепр.

Но Врангель, окрыленный победой, бросается на правый берег Днепра, чтобы отрезать Каховский плацдарм и соединиться с польской армией. Организовав кулак в составе: Кубанской дивизии генерала Бабиева и конного корпуса генерала Барбовича — общей численностью до 6 000 сабель и двух стрелковых дивизий: Марковской и Корниловской, а также дивизии (800 сабель) имени батько Махно под командой Володина, он бьет по Никополю и Хортице. На этом участке стояли 4-я Красная и 2-я Конная, которые с боем начали отходить в западном направлении. Но 12-го октября, достигнув 30 верст северо-западнее г. Александровска и потеряв 2 роты солдат. Марковская дивизия начала отход. Тем временем белая конница теснила 2-ю конную армию к реке Бузулук, а южнее, на Каховку, напирал 2-й армейский корпус и также вел упорную атаку. Однако решительное

контрнаступление красных частей остановило белых на Правобережье.

Уместно отметить, что успех 2-й конармии знаменовался противоврангелевскими действиями Володина, который в это время получил от нас распоряжение — выступить против Врангеля. Володин, снявшись с фронта по пути на Никополь и Александровск громил тылы, убивал офицеров. Он ставил ближайшей своей задачей уничтожить штаб 1-й армии генерала Кутепова. На володинцев были брошены войска, и они были разоружены, а сам Володин за это был расстрелян в г. Мелитополе 25-го октября.

16-го октября, получив незначительное поражение, белые окончательно перешли на левый берег Днепра, уступая старые позиции красным.

В это время мы получили приказы:

«№ 0150/с., 454/оп 17 октября 1920 г. 2 час. 15 мин.

По имеющимся сведениям Дроздовская дивизия противника из района Пологи, Гуляй-Поле перебрасывается к Славгороду с задачей наступать на Павлоград. 16 октября от Славгорода на Ивановку двигался пехотный отряд противника до 300 штыков, и его конница двигалась в сторону ст. Раздоры.

16 октября в районе ст. Ивановка, ст. Синельниково находились части 23-й стрелковой дивизии. Район ст. Чаплино, Покровское, Б. Михайловка, Ново-Павловка, ст. Межевая занят частями 42-й стрелковой дивизии.

Приказываю войскам Партизанской армии из района Барвенкова, следуя по маршруту Петровка – Башиловка – Петропавловка – Дмитриевка, не позднее 19 октября сосредоточиться в районе Васильевка, ст. Ульяновка, Павловка. По прибытию немедленно установить связь с частями 42-й дивизии в районе ст. Просяная, М. Михайловка, Григорьевка и с частями 23-й дивизии в районе ст. Ивановка, Синельниково.

В случае наступления дроздовцев на Павлоград частями Партизанской армии ударить им во фланг и тыл и выйти в район Нововоскресенка на р. Соленая.

Штаб армии иметь на ст. Ульяновка, откуда установить телеграфную связь со штабом фронта.

В дальнейшем связь поддерживать через соседние дивизии. О прибытии в район Ульяновка срочно донести.

Командюж Фрунзе. Член РВС С. Гусев»[961].

В другом приказе говорилось:

«Приказ командармам 13 и Повстанческой № 471/оп 18 октября 1920 г., 2 час. 30 мин.

...Второе. Повстанческой армии к вечеру 19 октября сосредоточиться в указанном ей районе Васильевка, Павловка, ст. Ульяновка.

Третье. С получением сего Повстанческую армию временно передаю в оперативное подчинение командарму 13.

Четвертое. В случае наступления противника в направлении на Павлоград командарму 13 использовать фланговое положение Повстанческой армии для удара в западном и юго-западном направлениях.

Пятое. О получении и распоряжениях донести.

Командую Фрунзе. Член РВС Гусев»[962].

На 18-е октября группировка сил на фронте была следующая: Врангелевская Донская армия генерала Абрамова в составе 15 000 штыков и Донского кавкорпуса Морозова — 9 000 сабель — занимали линию: г. Мариуполь, Саргана, Чердакли, М. Янисоль, ст. Хлебодаровка, с. Златоустовское, Каракуба, ст. Керменчик, Б. Янисоль, Комарь, Б. Михайловка, Покровское и ст. Мечетная, расстоянием в 160 верст, с группировкой Донкорпуса в Гуляйполе. В резерве Донской армии были махновские формирования: в с. Попово — отряд Самка — 400 штыков; в М. Токмачке — бригада Ищенко — 700 штыков и в районе г. Ногайска — полк Голика, в составе 200 штыков. Кроме того, в районе Цареконстантиновки стоял отряд немцев-колонистов и 9-я кавдивизия, общей численностью до 1 000 штыков и 1 500 сабель.

Против Донской армии генерала Абрамова стояли наши части: кавгруппа Левандовского в составе 5, 7 и 9-й кавдивизий — свыше 5 500 сабель, занимая от моря к северу Кирпичево, Безымянную, Чермалык, Анатолию — расстоянием в 50 верст; 13-я армия в составе 9-й, 23-й, 42-й и 30 стрелковых дивизий — до 15 000 штыков, занимая Стретенское, Андреевку, Владимировку, Всесвятское, Богатырь, Ново-Павловку, М. Михайловку и ст. Чаплино, расстоянием в 125 верст.

Первая армия генерала Кутепова в составе 1-го и 2-го армейских корпусов и конного корпуса Барбдвича, общей численностью 20 000 штыков и до 10 000 сабель, занимала: Екатериновку, Новониколаевку и Григорьевку. Пехотная бригада (1 000 штыков) махновского формирования под командой Чалого — Раздоры, ст. Синельниково, Петровское, ст. Илларионово и до Днепра — Дроздовская дивизия; от Екатеринослава вниз по течению Днепра до г. Александровска — Марковская дивизия; от Александровска до Никополя и к Нововоронцовке — Корниловская стрелковая и 6-я конная дивизия Барбовича, расстоянием в 250 верст. Кроме того, в районе г. Александровска сосредоточилась 1-я кавдивизия. В резерве 1-й армии Кутепова формировались махновские части: в с. Жеребец — пехбригада до 500 штыков Яценка, в Камышевахе — смешанная бригада — 500 штыков и 200 сабель — Савченка.

Против армии Кутепова наши части занимали линию фронта: Повстанческая Армия (махновцев), численностью свыше 10 000 штыков и около 4 000 сабель[963] — участок ст. Письменная (с. Ульяновка); 4-я стрелковая Красная Армия — Александровку, ст. Зайцево, Екатеринослав и вниз по правому берегу Днепра через Кичкас, Хортицу до с. Беленькое; 2-я

красная конная Миронова — через г. Никополь до р. Бузулук, общей численностью около 9 000 сабель, 16 000 штыков.

Вторая армия генерала Драценко, в составе 2-го корпуса генерала Витковского и конкорпуса кубанцев, общей численностью до 7 000 штыков и 4 000 сабель, занимала левый берег Днепра до Черного моря с группировкой кубанцев в Лепетихе. Кроме того, 2-я армия на Перекопе имела резерв — 4-й корпус генерала Скалона, в составе 6 и 7 пехотных дивизий, общей численностью до 7 000 штыков.

Против второй армии Драценка на Каховском плацдарме стояла 6-я Красная Армия, в составе 39 000 штыков и до 2 500 сабель. Кроме того, первая конная армия Буденного 17-го вечером начала прибывать с Польского фронта и начала сосредотачиваться в районе г. Бреславля, что против Каховки через р. Днепр. Кроме этих сосредоточений по линии фронта, Врангель имел в Крыму до 20 000 человек резерва, включая и экипажи. Таким образом, к ночи 18 октября на линии фронта сосредоточилось наших сил: до 97 000 штыков и 17 000 сабель[964]. А у генерала Врангеля до 55 000 штыков и 25 000 сабель. На нашей стороне был перевес в бойцах, зато противник превышал нас вооружением.

18-го октября наша армия заняла участок фронта между 13-й и 14-й Красными Армиями. К этому времени она складывалась из 3-х оперативных групп и одной резервной: первая — под командованием Марченка и начштабгруппы Тарановского, в составе 1-го, 2-го и 3-го пехотных полков и 1-го, 3-го кавалерийских, общей численностью до 3 000 штыков, 1 000 сабель при 100 пулеметах; второй — в составе 4-го, 5-го и 6-го пехполков, 2-го и 5-го кавалерийских полков, общей численностью 3 000 шт., 1 000 сабель при 100 пулеметах, под командованием Петренка и начштабгруппы Щуся; и третья — в составе 7-го, 8-го и особого пехотного полков, 4-го и 6-го кавалерийских полков, численностью, как и первые две, под командованием Забудьки и начштабгруппы Огаркова. Кроме того, в 4-й группе Каленика насчитывалось до 2 000 штыков, а при пулеметном полку Кожина, состоящем из 600 пулеметов, поставленных на тачанки, находилось до 500 сабель. В состав этих войск входили также три артиллерийские батареи[965]. Вот те силы, с которыми мы подошли к фронту и заняли участок Васильковка – Павловка – ст. Ульяновка, что между ст. Чаплино – Синельниково.

Вечером было общее заседание нашего Совета, штарма и комсостава: обсуждался вопрос рейда в тыл Врангеля. Докладчиком выступал Долженко. «Мы не ошиблись, когда говорили о провокации Врангеля. Его ничтожная кучка, назвавшая себя “Русской армией”, вылезла из Крыма в июне и расширила оперативный плацдарм в северной Таврии и Екатеринославщине, захватив западную часть Таганрогского округа. Но вскоре она выдохлась. Мобилизация населения, считавшего себя сочувствующим нашему махновскому движению, Врангелю не удавалась: оно было ему враждебно. И тогда он усердно начал печать в прессе информацию относительно союза с Махно, посылая к нам делегатов. Но вы знаете, что одного мы повесили в д. Времьевке, а, немного позже, другого, старого полковника, расстреляли на Полтавщине. Врангель об этом хорошо знал, ибо мы свое отношение к нему объяснили в печати. Все же он неуклонно шел на привлечение к “белому” движению махновщины. Бывший помощник комкора 4-го Крымского тов. Володин, как вы уже знаете, оперировал в Крыму против Врангеля и подхалимствующего палача и

буржуазного хвастуна Слащева-Крымского. Врангель завербовал Володина первым. Дальше, выйдя на северную Таврию, он вербует Чалого, Яценка, Савченка, Самка, Голика, Ищенка и других бывших наших командиров. На своей территории он не преследует больше махновцев, а склоняет их на свою сторону, доказывая, что союз Махно, действительно, подписан. Он дает деньги, оружие и формирует части из добровольцев махновцев. Ему долго не верили... Но после ничтожные душонки принялись за формирование отрядов. Население было отуманено пропагандой и так же пошло на мобилизацию. Вот Врангель и развернулся в основательную силу, вот он теперь угрожает Донбассу и Украине. Разрешите прочесть воззвание двух бывших командиров нашей армии, ныне ставших махровыми белогвардейцами.

“Славные повстанцы Украины!

Я, командир партизанского отряда имени Батьки Махно, призываю Вас в свои партизанские отряды, чтобы ударить своей силой и атакой на тех кровопийц-коммунистов, которые расстреливают наших товарищей партизан. Сметем с нашей земли коммунистическое комиссарское самодержавие!

Деникина нет, есть Русская Армия, которой подадим руку и сомкнем стройные ряды, станем любить друг друга и освободим свою истерзанную Русь святую от комиссарского царства, и создадим власть по воле народа.

Да здравствует Русь Святая и Русский народ!

Командир партизанского отряда Батьки Махно Яценко”[966].

— Вот до чего докатился, подлец! — возмущался Долженко. В зале зарокотало угрожающе: “Расстрелять провокатора!”

Долженко продолжал читать воззвание другого батьки:

“Доблестные повстанцы-махновцы и красноармейцы!

Я, командир партизанского отряда Алексей Алексеевич Савченко, убедившись лично, что Русские войска не расстреливают ни повстанцев, с которыми они идут рука об руку, ни Вас, товарищи красноармейцы, злой волей коммунистов и комиссаров, направляемых против трудового народа — рабочих и крестьян, зову Вас: сложите оружие к ногам тех, кто идет за народную волю, землю и истинную, не коммунистическую свободу. Идите скорее в повстанческие отряды, в ряды Русской Армии. Те и другие несут Украине и нашей общей Родине — России истинный мир, покой и порядок!

16 июня 1920 г. Савченко.”[967]

— Вот как формировался Врангель на северной Таврии, — говорил Долженко.

Вдруг открывается дверь, и на пороге во всей красе появляется Чалый и капитан врангелевской армии, не помню его фамилии. Как упоминалось ранее, Чалый формировал

бригаду из махновцев и занимал фронт между Синельниково – Чаплино, то есть против нас. Он получил наше распоряжение и теперь со своим начальником штаба приехал к нам. Капитан обрадовался при виде нас; что-то говорил. Но Каретников не выдержал, сорвал с него погоны, револьвер, шашку и вцепился руками в шею. Если бы их не разняли члены штаба, капитан был бы удушен. Собрание вынесло офицеру Яценко и Савченко смертный приговор, а от Чалого потребовали отчета.

“Вы ушли из района, — говорил Чалый, — а мы скрывались от террора. За нами красные все время охотились и убивали без суда. Но вот приблизился фронт. Врангель отогнал красных и объявил, что он в союзе с Махно. Мы долго не верили. Но, когда он показал приказы «батьки», которые, видимо, были подделаны, когда он писал оперсводку о Повстанческой Армии, когда начал давать нам деньги и оружие, и начальников штабов, мы растерялись. Мы думали и хорошо знали, что Советы и Махно никогда не могут быть в союзе с ним. Но, если он предлагает деньги, оружие, седла, обмундирование, почему не воспользоваться? И мы воспользовались, мы выступаем против него, своего генерала-provokatora. Вот наша вина — судите!..”»

Собрание его простило и, одобрив оперативное задание штарма, вскоре разошлось.

Часов в 10 вечера на квартире Махно я допрашивал капитана начштаба Чалого. Он много говорил о дислокации войск Врангеля и планах. Махно стонал от раны в ноге, Галина за ним ухаживала, а Каретников, как ястреб, снова набросился на свою жертву. Вдруг открывается дверь, заходит Бела Кун[968], а с ним сопровождающие, кто-то из членов Украинского правительства и Реввоенсовета южфронта, в сопровождении нашего представителя в Харькове — Клейна. Увидев допрос капитана, Бела Кун поинтересовался пленником и просил передать ему. Но Каретников вновь вцепился в пленного, вытащил его во двор и там застрелил. Такова была первая встреча с врангелевским офицером в присутствии Бела Куна, который крепко пожимал нам руки.

Подписанный договор мы получили от Клейна, а Бела Кун вручил нам следующий приказ:

«№ 0190/с., 580/оп 20 октября 1920 г. 17 час.

По имеющимся данным разведки, противник начал главными силами отход в район Александровен, Пологи, Мелитополь. Приказываю:

1. Повстанческой армии поступить с 24 часов 21 октября в непосредственное мое подчинение.
2. Не позднее 24 октября Повстанческой армии прорваться в тыл противника, двигаясь в общем направлении на Орехов и далее в тыл мариупольской укрепленной позиции, разоружая и дезорганизуя тылы противника (отдельные отряды противника, захватывать штабы, разрушать железные дороги, отрезать бронепоезда и т. д.)
3. В момент разгара нашей решающей операции, которая начинается не позднее 30 октября, важно прервать железнодорожное сообщение в районе Сальково, поэтому ставлю Повстанческой армии конечную задачу — ко времени решающих боев захватить крымские

перешейки и прорваться в Крым. При этом учесть, что в горном районе Крымского полуострова действует Красная повстанческая армия (“зеленые” — А. Б.).

4. При организации прорыва и дальнейших действий учесть, что нами главный удар будет нанесен противнику с севера и востока.

5. Для сведения сообщаю, что нами будут на фронте даны мосты через Днепр в районе Нижн. Рогачика и Никополя и уже существуют мосты у Каховки...»[969].

Задача была несколько надумана и не выполнима. Разгромить 4-й корпус Скалона на Перекопе, удерживая его за собой, могла бы скорее группа войск, стоящая на Каховском плацдарме, от которой перешеек находился на расстоянии в 60–70 верст. Она и численностью в два раза больше нашей армии и сил против себя имеет меньше. Об этом мы немедленно сообщили тов. Фрунзе, считая более целесообразным разбить главные силы противника в северной Таврии, на что получили согласие командюжа.

Бела Кун и сопровождающие его лица уехали в штаб 13-й армии, а мы спешно заканчивали подготовку к рейду по тылам белых.

В это же время на запрос от 11 октября: «Как быть с Махно?» Харьков отвечал Екатеринославскому губкому партии:

«На № 8909. 19 октября 1920 г.

С Махно состоялось чисто военное соглашение о пропуске его отрядов в тыл Врангеля. Для отдыха частей установлен определенный срок. Разрешено Махно это время находиться в Старобельске, не нарушая ничем работы наших органов. Наши задачи внутри отрядов Махно остаются прежние — не допускать общения наших частей с махновскими. Постановление ВЦИК — махновцам, кроме уголовных, дана амнистия.

Секретарь ЦК КПУ Косиор».[970]

В это же время командование 1-й Конной армии докладывало Командюж:

«№ 1711, Знаменка 21 октября 1920 г.

По поводу предварительной директивы № 0163/сек 5071/оп докладываю:

1. Армия начать операцию не может, так как 6 кавалерийская дивизия, вследствие радикальной чистки и приведения ее в порядок, отстала на четыре перехода и подойдет в район Белоусовки только 27 октября. Арестованные начдив и два комбрига 6 кавалерийской дивизии, за отсутствием комсостава в армии, еще никем не замещены. 11 кавалерийская дивизия все еще укомплектовывается подошедшими с опозданием пополнениями из центра. Армия сосредоточится в полной боевой готовности в исходном пункте 30 октября.

2. Директива не содержит в себе характеристики и оценки сил и намерений.

3. Директива не охватывает в целом операцию Южфронта, совершенно умалчивая об операциях на самом полуострове.
4. Разновременное наступление наших армий дает противнику возможность бить наши силы по частям.
5. Оторванность 2 Конармии от наших главных фланговых групп лишает последнюю сильной поддержки в лице армий и подвергает ее риску или остаться бездействующей, или быть разгромленной.
6. Противник несомненно группирует главные силы свои ударными кулаками в районах мелитопольском, более сильным в Перекопском.
7. У противника, безусловно, имеются сильные резервы в Крыму, которые обеспечивают оборону укрепленного перешейка, а в случае успеха могут подкрепить необходимый участок и довершить операцию...

Командарм 1 Конной Буденный. Члены РВС: Ворошилов, Минин»[971].

Мы ранее неоднократно требовали от большевиков выполнения пункта соглашения, где говорилось об опубликовании политического и военного соглашения с махновцами и требовали письменного извинения за клевету на повстанцев.

В результате в прессе появилось следующее:

«Сообщение Народного Комиссариата по военным делам РСФСР о заключении военно-политического соглашения с Махно. 20 октября 1920 г. (От Народного Комиссариата по военным делам).

Как известно, французская печать очень много говорила о союзе Врангеля с Махно. Советская печать в свое время также опубликовала документы, свидетельствовавшие о формальном союзе Махно и Врангеля. В настоящее время выясняется неправильность этой информации. Несомненно, Махно оказывал фактическое содействие Врангелю, как и польской шляхте, поскольку он одновременно с ними сражался против Красной Армии. Но формального союза между ними не было. Все документы, говорившие о формальном союзе, были подделаны Врангелем. Некий крымский бандит, назвавший себя атаманом Володиным, выступил под руководством врангелевского штаба в качестве атамана, подчиненного Махно. На самом деле никакой связи между ними не было. Вся эта подделка была подстроена для обмана покровителей Махно — французских и других империалистов.

Несколько недель тому назад Врангель действительно сделал попытку вступить в прямую связь с махновцами и направил в штаб Махно для переговоров двух своих представителей. Как имели возможность убедиться делегаты Реввоенсовета Южного фронта, махновцы не только не вступили в переговоры с представителями Врангеля, но всенародно повесили их вскоре по прибытии в штаб. Именно этот факт — прямая попытка Врангеля вступить в сделку с махновцами — показал воочию махновцам всю губительность их борьбы с Советской

властью. Вскоре после этого они обратились к Южному командованию для совместной борьбы с Врангелем. Предложение это на известных условиях было принято.

В настоящее время махновский отряд выполняет боевые поручения под прямым руководством командующего Южным фронтом т. Фрунзе»[972].

А 22 октября сняли с нас еще одно нелепое обвинение. Ежедневная газета Политотдела фронта «Красный боец» писала:

«Махновские деньги.

о баронском союзнике, поднесет барону такой[973]

Врангелевские газеты много писали о Махно как совершенно не ожидая, конечно, что этот “союзник” неприятный сюрприз.

Между прочим, газета “Крестьянский путь”, рассказывая о различных подвигах Махно, передавала басню о каких-то особых махновских деньгах.

Махно выпустил свои деньги — самые обыкновенные советские — пятаковские деньги, но на обороте которых напечатано: “Гоп, кума, не журись! В Махна гроши завелись! Кто не будет гроши брать, тому шкуру будем драть!”

Никаких денег Махно не выпускал. Но, если бы он выпустил кредитки с такой многообещающей надписью, хотя бы даже и на газетной бумаге, — надо думать, самый закоренелый спекулянт не отказался бы принять их...»[974].

Проводя политику на расслоение крестьянства и укрепление своей власти на селе и используя момент, большевики 18–23 октября провели так называемый 1-й Всеукраинский съезд Комитетов незаможных селян (КНС), на котором предложили следующую резолюцию:

«Заслушав доклад т. Яковлева “О борьбе с бандитизмом”, — съезд постановил: Власти незаможного селянства в селе мешает до сих пор вооруженный бандит и куркуль. Они не дают нам спокойно и мирно трудиться на той земле, которую незаможные крестьяне взяли для труда у богатея и помещика. Бандит мешает подвозу соли из Бахмутского района, бандит мешает подвозу угля к заводам, изготовляющим сельскохозяйственные орудия и паровозы. Бандит сеет холод и голод.

Всеукраинский съезд незаможных селян постановил: борьба с бандитами — наше дело, дело незаможных селян. Победа над бандитами пусть будет нашей победой, победой незаможных селян.

Для победы над бандитами съезд постановляет:

1. Призвать незаможных крестьян всей Украины вливаться в войска внутренней службы. Каждый уезд должен дать одну кавалерийскую сотню на кулацких седлах в войска внутренней службы против бандитов.

2. Организовать самооборону села. Каждый наиболее бандитский район должен организовать территориальный полк, объединить а нем самых сознательных, самых преданных делу трудящихся незаможных селян, которые под угрозой бандитов должны подниматься, связываться друг с другом, отрываясь от мирного труда для ликвидации бандитов.

3. Просить ВЦИК издать постановление о том, чтобы в каждый отряд внутренней службы, в который входит волость, для поимки бандитов комитет незаможных селян посылал своего полномочного представителя.

4. Съезд обязывает каждый комнезамож следить за бандитами и их укрывателями, о каждом случае бандитизма немедленно доводить до сведения Советской власти и всеми способами помогать Советской власти в уничтожении бандитов.

5. Просить ВЦИК издать приказ о том, чтобы оружие, которое незаможными будет найдено у бандитов, использовать для самообороны незаможного селянства.

Смерть бандитам!

Да здравствует мирный труд незаможного селянства на крестьянской земле!»[975]

21 октября мы получили приказ командюж. В нем говорилось:

«...2) Командарму Повстанческой в ночь с 21 на 22 октября выступить из района сосредоточения и, двигаясь форсированным маршем, обойти вышеуказанную группу противника с востока в общем направлении на Янцево – Софиевка, отрезать бронепоезда противника и ударом с тыла разгромить его. В дальнейшем продолжать выполнение задачи, поставленной моей директивой № 0190/сек/ /580/ оп...»[976].

В четыре часа утра 22-го октября наши войска в составе двух групп — Петренка и Забудько, общей численностью 6 000 штыков, 2 500 сабель, 10 орудий и двух батальонов пулеметного полка (300 пулеметов на тачанках) вышли из с. Васильковки на Ново-Николаевку. Здесь была присоединена бригада Чалого, сформированная Врангелем. Во главе войск был я, Каретников (пом. командарма) и мой помощник Гавриленко. Перед нами стояла ближайшая задача: по частям уничтожить синельниковскую группу противника, в состав которой входили: Дроздовская, Марковская, 7-я дивизии и Донской конкорпус Морозова.

К вечеру мы у Михайлово-Лукашево разбили 3-й и 4-й пехполки Дроздовской дивизии, захватив восемь орудий, 50 пулеметов, обоз и до 4 000 пленных, бывших красноармейцев. На рассвете 23 октября на ст. Софиевка мы напали на 2-й полк дроздовцев, ночью прибывший из Синельникове. Солдаты выскакивали из вагонов в поле и бежали к Днепру, на Александровск. Чтобы отрезать пути отступления бронепоездам, находящимся на ст. Синельниково, нами были повреждены железнодорожные пути и составы порожняка, а паровозы загнаны на входную стрелку, преградив путь на Александровск.

В десятом часу утра мы атаковали г. Александровск, имея упорный бой с марковским полком и частями 7-й кавдивизии. С помощью 23-й стрелковой дивизии, состоящей из 700 штыков и

50 сабель[977] г. Александровск был взят. Штаб 1-го армейского корпуса белых успел удрать. В результате конной атаки, теряя бойцов, 7-я дивизия белых побежала на Ново-Григорьевку, преследуемая нами. Здесь было взято в плен две роты марковцев, около 500 кавалеристов, два орудия и 15 пулеметов. Из Натальевки вечером мы вышли на Камышеваху, где, обезоружив местную власть и разгромив железную дорогу, заночевали. Здесь попал к нам Яценко, автор воззвания и бывший наш командир: он был расстрелян, а отряд влит в группу Чалого.

Там же получили приказ о занятии исходных позиций для наступления в северной Таврии от 24 октября 1920 г. В нем говорилось:

«На Днепре противник бдительно охраняет места возможных переправ с нашей стороны. В Александровском направлении частями 23-й дивизии и Повстанческой армии, перешедшими в наступление 22 октября, разбит заслон противника, причем почти полностью захвачен в плен 4 Дроздовский полк в числе 4 тысяч человек. 23 октября нами занят г. Александровск. На фронте 13 армии арьергарды противника группируются: 2 и 3 Дондивизии на линии Гуляй-Поле – Цареконстантиновка – Берестовое; 1 Дондивизия, по-видимому, в резерве в районе Орехова...

4. Командарму Повстанческой продолжать энергичное выполнение поставленной мной ранее задачи и, двигаясь в направлении Орехов, Большой Токмак, Мелитополь и далее, громить тылы противника (штабы, обозы, связь, железные дороги). Разрушить железную дорогу на участке Мелитополь – ст. Сальково и по возможности не позднее 29 октября овладеть крымскими перешейками.
5. Командарму 13 с утра 25 октября перейти в наступление, разбить части Донкорпуса противника и не позднее 27 октября выйти на линию Орехов – Пологи – Верхнетокмак – Ногайск...

Армии быть готовой продолжать решительное наступление с утра 28 октября

Командюж Фрунзе, член РВС С. Гусев»[978].

В 10 часов утра, 24-го октября, при отвратительной погоде (уже которые сутки шел дождь со снегом), мы заняли г. Орехов, где изрубили несколько генералов и комендантское управление.

Отсюда спешно была отправлена в рейд «Особая группа», выделенная еще в Камышевахе, в составе пехоты Чалого на тачанках (2 500 шт.) и кавполка Москалевского (700 сабель) при 2-х орудиях, которая и была направлена на Большой Токмак.

Вечером мы с основными силами двигались на М. Токмачку и Н. Карловку, не встречая никакого сопротивления. Присоединив формируемую Врангелем бригаду Ищенко, мы вышли на Гуляйполе. По пути задержали автомобиль с двумя седыми полковниками и генералом: они не верили, что мы — махновцы.

Отсюда мы с Василевским на машине белых выехали на Ново-Николаевку, где стоял основной штаб и Совет, а части пошли на Гуляйполе.

Гавриленко, надеясь, что победа ему обеспечена, у самого Гуляйполя выделил отряд Ищенко (около 1 000 штыков), направив его на ст. Пологи, тем самым ослабив свои силы.

На рассвете 25-го октября наши атаковали Донской конный корпус Морозова, в распоряжении которого была эскадрилья (8 аэропланов) и два танка. С утра до вечера скрещивались шпаги, в результате чего наши были хорошо истрепаны. 4-й пехполк Савонова и 2-й Клерфмана наголову были разбиты, потеряв до 1 000 человек убитыми и 700 пленными, которые также по дороге на Пологи донцами были изрублены. Проиграв атаку, наши отступили восемь верст севернее Гуляйполя, а в час ночи 26-го, налетев на противника, снова выбили его из Гуляйполя.

Тогда же была отправлена телеграмма:

«Штаб Южфронта тов. Бела Кун Командарм 13 Штадив 42 Село Воздвиженка 25/X-1920 г. НР 020/А Срочная Секретно

В настоящее время наша Армия непосредственно приступить к выполнению приказа Армии Южфронта НР 02/20 67к17 не может. Нам необходимо иметь 4-5 дней времени для соединения боевых групп с нашими резервными частями, пополнить части боевыми припасами, получить во что бы то ни стало мелкую артиллерию (пушки и траншейки). Представитель штаба фронта тов. Васильев, учитывая наше положение, согласен с нами и так же будет просить штаб Южфронта о предоставлении нам хотя небольшого срока для приведения частей в полный боевой порядок и перегруппировку сил. Это крайне необходимо для пользы дела планомерности общей работы. Сегодня мы занимаем район Гуляй-Поле, ожидаем там дальнейших распоряжений.

ВРИО Командарма Партизанской Каретников. Наштарма Гавриленко»[979].

25-го к обеду Ищенко занял ст. Пологи, захватив артбазу. Но донцы, отступая из Гуляйполя, и здесь изрубили до 100 человек.

24-го октября «Особая группа», присоединив себе отряд Савченка, который при встрече был расстрелян, атаковала Большой Токмак, взорвала в нескольких местах железную дорогу, а к вечеру, под давлением недобитой 7-й кавдивизии белых, отошла на Орехов.

Таким образом, наши войска прошли по тылам Врангеля около 250 верст, уничтожив северный участок фронта от Александровска до Полог. Заняли города Синельниково[980], Александровск, Орехово, Гуляйполе[981]. Кроме того, Донская армия генерала Абрамова оставалась отрезанной в Волновахском и Юзовском направлениях, отчего и начала панический отход.

Встретив наши резервы и Совет в Ново-Николаевке, мы собрались выходить на Гуляйполе, когда 26-го вечером прибыла 30-я красная дивизия, состоявшая из сибирских повстанцев, в количестве: 1 700 штыков и 580 сабель[982]. Узнав о нашем соседстве, она обезоружила своих командиров и политкомов и прислала к нам свою делегацию, члены которой заявили, что считают себя махновцами. И надо было много сил приложить и доказать, что в настоящее время между махновцами и Совправительством нет разницы, что надо бить

Врангеля. Но делегация поставила вопрос ребром. Они говорили. «Мы все революционеры и сибирские повстанцы. Между нами есть много анархистов, которые присоединяются к вам. Если вы революционеры, должны принять. Мы из своей среды избрали своих командиров и больше не желаем подчиняться старым офицерам, которые нас продавали». Мы же категорически отказались принять их в армию от нежелания нарушить договор. Но они противились, заявив, что от нас не отстанут. Они вышли за нами из села в южном направлении. В степи делегацию пришлось уговорить и направить дивизию по тому пути, по которому штармом 13-й было предписано, то есть на Орехово. В с. Заливном они отстали, и я не знаю конца этой истории.

На рассвете 26-го октября мы прибыли в Гуляйполе и соединились с основными частями армии. К обеду действующая армия, пополненная двумя конными полками, двумя батальонами пулеметного полка, общей численностью от 5 000 сабель до 5 000 штыков[983], при 16 орудиях, 800-ах пулеметах (пулеметный полк Кожина) под командованием Каретникова и Гавриленка (Полевой штаб армии), вышла в новый рейд.

26-го октября в пос. Орехово, встретив Маскалевского и Чалого, армия прошла на Эривку, ст. Васильевку, где был жаркий бой с корниловцами, на ст. Пришиб заночевала. В этот день сводка фронта сообщала, что на линии Днепр – Херсон – Александровск спокойно. 30-я дивизия заняла Орехов. На участке Большой Янисоль, Керменчик, Розовка, Мангуш противник не обнаружен.

«...К 12 час. 26 октября нами была занята линия: Ново-Григорьевка – Омельник – Богатый – Пологи – Конские Раздоры – Бельманка – Берестовое – Ново-спасовское. Части 6-й и 2-й Конной с рассветом 26 октября приступили к наведению переправ в районе Никополь – Нижний Рогачик... Части 1-й Конной армии к вечеру 27 октября сосредотачиваются в район Бериславля...»[984].

В этот же день штаб Повстанческой (махновцев) получил следующую телеграмму:

«Штаб 13-й армии, 42-й и 23-й дивизий и командарму Повстанческой. № 004/пш. 26 октября 1920 г., ст. Апостолово.

В ночь с 27-го на 28-го кавгруппа 13-й армии атакует Б. Токмак с востока. Для облегчения операции и обеспечения решительного успеха приказываю вам в это же время ударить на Б. Токмак с запада. Об исполнении донести.

Командюж и член Реввоенсовета Фрунзе»[985].

Тогда же Командюж Фрунзе докладывал В. И. Ленину, ЦК РКП(б), Главкому и РВСР:

«№ 001/пш, ст. Апостолово 26 октября 1920 г.

Сейчас отдал окончательный приказ об общем наступлении. Решающими днями будут 30, 31 (октября) и 1 ноября. В разгроме главных сил противника не сомневаюсь. Отойти за перешейки к моменту нашего удара он не успеет. За немедленный захват перешейков считаю не более одного шанса из ста.

В ночь с 25 на 26 (октября) в Апостолово провел совещание командармов и Реввоенсоветов 6, 2 и 1-й. Установлена полная согласованность и взаимное понимание. В частности, в отношении Ревсоварма и всей 1 Конной у меня нет никаких сомнений в том, что они до конца выполнят свой долг. Все разъехались в наилучшем настроении. Даны соответствующие директивы в отношении Махно.

Сегодня в 20 часов уезжаю в Харьков. Командую Фрунзе»[986].

На рассвете 27-го октября наша «Крымская группа», как действующая армия, была вызвана с Гуляйполя, вышла из Пришиба на Б. Токмак. Здесь она налетела на Донкорпус и 6-ю пехотную дивизию белых, которые, потеряв до 500 зарубленных казаков и 2 000 раненых и убитых лошадей, уничтожив в бою Самурайский полк противника, захватив пленных и военную технику, прорвались на юго-восток, в колонию Елизаветтань и на Мелитополь.

Сводка фронта на 27-е октября сообщала следующее:

«В Никопольском районе 2-я Конармия перешла Днепр. Из Бериславля на левый берег Днепра Первой конной прорван фронт и занят г. Каховка. 13-я армия без боя заняла ст. Пологи, Конские Раздоры и ряд сел в 20 верстах северо-западнее г. Бердянска. В Бердянском порту 3-я Донская армия спешно грузится на пароходы»[987].

28 октября: 30-й стрелковой дивизией без боя занят Б. Токмак. А в оперсводке штаба Южфронта от 29 октября говорилось:

«...13-я армия — частями 42-й дивизии к ночи 28-Х без боя взят Б. Токмак, бригады вышли на линию Гохгейм – Молочная. Утром партизаны Махно, обходя Б. Токмак с запада у колонии Гейдельберг, взяли штурмом окопы противника, захватив более 200 пленных, 4 орудия, пулеметы. Почти уничтожен Самурайский полк 6-й пехотной дивизии противника. Других существенных сведений (от) частей армии не поступало...»[988].

А в Гуляйполе в это время кипела тыловая работа.

В приказе № 1 говорилось:

«По гарнизону с. Гуляй-Поля и его окрестностям. 28 октября 1920 г. с. Гуляй-Поле.

§ 1 Объявляю, что сего числа я вступил в исполнение обязанностей начальника гарнизона, а по сему предлагаю:

§ 2 Всем командирам военных частей как повстанческих, так и Красной Армии за всеми справками обращаться ко мне (Соборная улица, дом Цапка, против аптеки).

§ 3 Всем командирам и начальникам войсковых частей как повстанческих, так и Красной Армии, проходящих через Гуляй-Поле, являться ко мне для регистрации и указания места следования, дабы каждый повстанец и красноармеец мог узнать в Управлении гарнизона, куда направилась его часть.

§ 4 Приказываю всем учреждениям и заведениям, торговым предприятиям, а также частным лицам с момента опубликования настоящего приказа принимать как советские, так и другие кредитные билеты всех выпусков и купюр.

§ 5 За всеми справками по гражданским делам обращаться непосредственно к коменданту штаба Армии товарищу Домашенко (Почтовая улица, дом Миткалева).

§ 6 Всем лицам гражданского населения брать пропуска на выезд из с. Г-поля в Управлении гарнизона.

Начальник гарнизона Клерсон»[989].

Тогда же решением собрания штабов и комсостава, оставшихся в Гуляй-поле войск, были утверждены директивы Совета Революционной Повстанческой Армии Украины (махновцев) для уполномоченных по организации махновских отрядов, еще оперирующих против советских красных армий, которые немедленно разъехались по своим районам. В директиве говорилось:

«Всякая армия, сражающаяся против своих врагов, теряет своих бойцов, а поэтому и пополняет свои ряды равно.

Одна из них пополняет при помощи насильственной вербовки (мобилизации), а другая пополняет при помощи добровольной записи бойцов.

Принципы нашей Революционной Повстанческой Армии Украины (махновцев) — добровольное вступление в ряды Повстанческой Армии, а потому необходимо пополнить свою армию, так как ввиду частных боев с белогвардейцами Врангеля, большинство бойцов из Революционной Армии Украины (махновцев) выбыло.

В основу организации новых сил уполномоченным предлагается:

1. Проводить митинги, беседы и т. д., т. п. во всех селах и городах данного по мандату района, придерживаясь нашего военно-политического договора с Советским Украинским правительством.
2. Выделять своих агентов для целей пропаганды своих идей и добровольной записи в Революционную Повстанческую Армию (махновцев).
3. Все махновские отряды, не поставленные в известность о нашем соглашении с Советским правительством Украины, и всех отдельных махновцев, живущих в подполье, собрать и организовать в одно целое данного района и направлять в Штарм Повстанческой на фронт.
4. Формировать боевые части как полки, батальоны, роты, взводы и т. д., то есть по роду их оружия.
5. Снабжать части лошадьми и обозом, согласно приказа Командарма за № 3.

6. Снабжать части продовольствием и фуражем по своему усмотрению, придерживаясь необходимого добровольного пожертвования населения.
7. Бойцы и имущество Красной Армии ни в коем случае не должны приниматься в наши части, согласно военного договора.
8. Относиться к Советским, гражданским и военным властям дружелюбно.
9. Ни в коем случае не допускать какие бы то ни были конфликты с Советскими властями, если таковые явятся, стараться их уладить и разрешить мирным путем.
10. На основании политического положения и циркулярного распоряжения Соввласти требовать от всех Соввластей освобождения арестованных махновцев данного района.
11. Следить за порядком и братской дисциплиной в частях, ни в коем случае не допускать самовольства, самочинства и бандитизма.

Примечание: В случае конфликтов и недоразумений с Советскими властями, с которыми трудно на месте уладить, обращаться в Совет Революционных Повстанцев Украины (махновцев), в случае обнаружения бандитизма, не представляя Штарму Повстанческой, решать все на месте.

Товарищ предсовета — В. Белаш. Секретарь — П. Рыбин»[990].

Вечером 29-го октября Крымская группа при незначительном сопротивлении 3-х бронепоездов и недобитой в Александровске Марковской дивизии заняла город Мелитополь. Здесь были богатые военные трофеи: около 3 000 пленных (марковцы и корниловцы), около 100 вагонов боеприпасов, 3 бронепоезда, 4 аэроплана, 2 танка, 18 исправных орудий, 2 миллиона пудов зерна и много обоза. Кутепов со своим штабом еле успел удрать, оставив на произвол свою армию. Имея бои с отступающими частями 1-й армии, а частично и с донцами, группа разворачивает новые формирования. Она пересылает в Гуляйполе две английские батареи (8 орудий) и одну русскую (4 орудия); разворачивает второй пулеметный полк, пехоту расформирует и пополняет кавалерию.

Революционно-Повстанческая Армия Украины (махновцев) продолжала успешный рейд по тылам белых и в оперсводке штаба Южфронта сообщалось: «Части 13-й армии, поддержанные действиями партизанской армии Махно в тылу противника, развивая стремительный удар 30-Х заняли г. Мелитополь и 31-Х ст. Акимовку, в которой захвачены громадные трофеи...»[991].

«2-го ноября. Противник отошел в Крым и укрепляется на перешейках. Конгруппа Левандовского утром заняла город Геническ. Первая конная, преследуя противника, заняла ст. Рыково и Ново-Алексеевку»[992].

В Гуляйполе в это время формировали резервы, которыми пополняли Крымскую группу и готовили главный штаб СРПУ (махновцев) к инспекторской поездке на Перекоп в действующую армию повстанческих войск и в связи с этим телеграфировали 2-го ноября

1920 г.

«...Харьков, Командюжфронта тов. Фрунзе, представителю Революционных Партизан. Буданову, Попову.

Ввиду наступившей зимы и холодов, ввиду боевых операций необходимо получить обмундирование и снаряжение, в котором является острая нужда Революционной Повстанческой Армии, так как повстанцы очень плохо обмундированы и вооружены. Большинство их босы, без шинелей и тому подобное, а потому прошу немедленно вышлите нижеследующее: 10 тысяч шинелей, 10 тысяч пар сапог или ботинок, 10 тысяч шапок, 5 тысяч пар исподнего белья, 10 тысяч гимнастеров, 10 тыс. шаровар, 20 пудов табака, 50 пудов горючего для автомобиля, 25 тыс. винтовок, 11,2 миллиона штук патронов, 20 тыс. ручных гранат, 600 кавалерийских седел...

Товарищ председателя Революционного Военного Совета Повстанческой Армии Украины (махновцев) В. Белаш»[993].

И в это же время ВРИО командарма (махновской) сообщалось:

«Повстанческая Армия (махновцев) сосредоточилась в районе села Громовка. Приступая к выполнению последней задачи — форсированию Сиваша, необходимо удлинить время для точной разведки районов возможных самых удобных переправ, для чего потребуется около суток. Находясь в настоящее время в районе 3 армии оторвался окончательно от 13 армии, мы не можем получать от вас новых заданий, информации руководства или видов изменений отданных ранее приказов, а самое главное, не имея определенного участка фронта, скученные, переполненные села страшно мешают друг другу. Для успешного выполнения возложенной на нас задачи необходимо создать следующую обстановку: первое, активная помощь со стороны красной конницы и пехоты. Назначить конную часть для совместной с нами работы в тылу у противника.

Второе, форсируя Сиваш за непригодностью переправ нам придется оставить весь свой обоз, артиллерию на северном берегу Сиваша, для чего необходимо населенный пункт (обозы).

Третье, беспрепятственное получение боевых материалов (патронов и снарядов) и перевязочных средств, перевязочных материалов, медикаментов и других средств войскового снабжения от соседних красных частей.

По первому пункту ждем срочного распоряжения не прерывая ни на минуту подготовительных работ выполнению наших заданий.

Представитель 13 армии Петренко – Коковец.

ВРИО командарма Каретников, Наштарм Гавриленко.

Дежур. член штаба Голик. 3/...20 г. Громовка»[994].

Белые потеряли в северной Таврии до 20 000 солдат и 40% своего вооружения, к 3-му ноября укрылся Сивашом. В Крыму царил паника, буржуазия толпилась у пароходов.

Врангель спешно перегруппировывал войска. Он снял с Перекопа 2-ю армию Драценко и посадил ее на Сальково, а 1-ю генерала Кутепова из Сальково направил на Перекоп, как более устойчивую. Перегруппировка войск началась и на нашем фронте. 6-я армия заняла позицию против перекопского укрепления: наша Крымская группа сосредоточилась в 18 верстах северо-восточнее г. Перекопа, в селе Владимировке; 4-я армия, 30-я и 23-я дивизии (13 арм.) заняла линию против Сиваша то есть Геническ – Ново-Михайловскую; 1-я конная сосредоточилась между махновцами и 4-й армией на северном берегу Сиваша; группа Левандовского и 2-я конармия были в резерве 4-й.

В ночь на 3-е ноября 6-я армия, выполняя приказ командюжа т. Фрунзе, «на плечах отступающего врага прорваться в Крым», перешла в атаку на перекопский перешеек; 4-я атаковала Сальков и Арабатскую Стрелку. Но трехдневные бои, однако, не дали положительных результатов. Противник с кораблей поддерживал защиту перешейков, а мы не имели тяжелых орудий, чтобы ответить, они плелись еще в тылу. 6-я армия потеряла до 5 000 убитыми и не могла занять Перекоп.

Накануне сюда приехал командюж т. Фрунзе и член Реввоенсовета Республики Смилга. Перед армиями была поставлена боевая задача:

«...овладеть Крымским полуостровом атакой, открытой силой, не останавливаясь перед жертвами, какие могут быть вызваны этими действиями...»[995].

Бои на Крымском перешейке вошли в историю нашей гражданской войны как беспримерные по своему героизму и упорству. Взятие перешейков Крыма без соответствующей подготовки штурма, стоило нам свыше 10 000 убитыми и ранеными. Поэтому об этом несколько подробнее.

Как известно, Крым представляет из себя полуостров, с севера замыкающийся Сивашом. Ширина Крымского горлышка между Черным и Азовским морями равна 100 километров. Соединяется полуостров с материковой частью тремя пунктами: Перекопским перешейком; через Сальковский и Чонгарский мосты, представляющие собой линию мостовых сооружений, возведенных частично на дамбе восьмиметровой ширины и протяженностью до 5 километров и Арабатскую Стрелку с мостом у г. Геническа.

От Черного моря к востоку лежит материк, то есть Перекопский перешеек, который является единственным естественным соединением Крымского полуострова с материком и представляет из себя узкую полосу земли 8–23 километра в ширину, 30 километров в длину и 20 метров над уровнем моря, лежащую между Перекопским заливом и Сивашем.

На этом перешейке еще в V веке был вырыт ров, глубиной 10 метров и шириной более 40 метров, ранее заполнявшийся водой, а с южной стороны рва насыпан т. н. Турецкий вал. Общая длина вала 11 километров, ширина у основания 15–20 метров.

От Перекопского перешейка дальше на расстояние 75 километров, до ст. Сальково тянется Сиваш (Гнилое море), которое прерывается узким перешейком, по которому проходит южная железная дорога и дальше до Арабатской Стрелки продолжается Сиваш, который у г. Геническа соединяется с Утлюкским лиманом Азовского моря. Площадь Сиваша 2 560 квадратных километров, он проходим лишь в некоторых местах и довольно изменчив и капризен. В те дни, когда ветер дует с востока, уровень густосоленой воды на бродах достигает до 2-х метров, в тихую погоду вода убывает, глубина на бродах достигает метра. При западном ветре, в зависимости от силы, оголяется дно Сиваша, но и тогда здесь не меньше опасности от многочисленных топей, заполненных серогрязной жижей, издающей неприятный запах. В морозные зимы Сиваш покрывается тонким слоем льда.

Сам Турецкий вал является довольно серьезным укреплением. К тому же он был защищен пятью укрепленными линиями, из коих первая линия окопов была вынесена за 5 километров вперед. В линиях имелись блиндажи, пулеметные гнезда, артиллерийские позиции, прожекторные установки, много, рядов проволочных заграждений.

С главной Перекопской линии (Турецкого вала) обороны открывался вид вперед на 7-10 километров. Это расстояние держалось под непрерывным артиллерийским обстрелом как с суши, так и с моря, со стороны Каркинитского залива. Врангель стянул к перешейкам тяжелую артиллерию, снятую с Севастопольской крепости и с береговых фортов. Здесь было установлено более 70 орудий и около 150 пулеметов.

В области обеспечения тяжелой артиллерией укрепления перешейков достигали совершенства. Весь перешеек был насыщен артиллерией на специальных бетонированных площадках. К расположениям отдельных батарей были проведены железнодорожные ветки, по которым подвозились снаряды и продовольствие, в нужных случаях подвозились подкрепления и т. д. Около батарей строились целые крепости с усовершенствованными подземными жилищами. Вдоль всей линии обороны были устроены наблюдательные пункты.

К тому же за перешейки отошли войска со своей техникой, артиллерией, бронемашинами, бронепоездами, самолетами. Это обстоятельство значительно усилило и так уже мощную технику обороны.

Помимо всего этого, Врангель располагал всем Черноморским флотом, а оборона Перекопского перешейка была глубоко эшелонированная, вплоть до г. Ишунь (Юшунь).

Севернее Турецкого вала на сотню верст лежала безлесая равнина, лишь местами пересекаемая неглубокими балками, ярко выраженного степного характера, изредка встречались села и хутора. Южнее г. Армянска район покрыт многочисленными большими и малыми солеными озерами.

Второй преградой являлись Чонгарские укрепления, находящиеся в районе ст. Чонгар, которые имели три линии укреплений, покрытые каждая 2-3 рядами проволочных заграждений. Далее к югу Сивашские позиции, состоявшие из пяти рядов окопов, прикрытых всюду проволочными заграждениями. Замыкающим звеном этой группы укреплений являлись Таганашские укрепленные позиции, с проволочными заграждениями в

несколько рядов перед каждой линией.

Весь этот район был оснащен тяжелой артиллерией вплоть до 12-ти дюймовых орудий, имелись зенитные батареи. Весь район был подкреплён курсировавшими бронепоездами. Чонгарский укрепрайон насчитывал 15 отдельных линий обороны.

Третьим укрепленным перешейком являлись позиции на Арабатской Стрелке.

Это узкая полоса земли, шириной от 270 метров до 5 километров, протяженностью до 112 километров, находящаяся между Сивашем и Азовским морем.

На Стрелке были построены четыре укрепленные позиции, также прикрытые проволочными заграждениями. Кроме береговой артиллерии, арабатские позиции поддерживались огнем судовой артиллерии со стороны Азовского моря.

Кроме географического, за Врангелем было преимущество и техническое.

Взять с фронта Перекоп, не имея дальнобойных, крупного калибра орудий, способных заставить замолкнуть батареи неприятеля с кораблей и перешейка, было невозможно никакими силами. Но красное командование не пожелало тратить время на подвоз таких орудий и решило штурмовать Турецкий вал с фронта, а вспомогательный удар нанести через Сиваш на Литовский полуостров Крыма, в тыл Турецкого вала, то есть в точности повторить операцию взятия Турецкого вала с форсированием Сиваша и выходом на Литовский полуостров, проведенную 2-й бригадой Заднепровской дивизии в ночь с первого на второе апреля 1919 г.

Командующий фронтом т. Фрунзе сообщал Главкому: «Махновцы к вечеру 2 (ноября) выступили на Ново-Троицкое из Петровского с целью форсировать Сиваш...»[996].

В оперсводке командования 1-й Конной армии от 4 ноября говорилось: «Армия Махно с 7-й кавдивизией (1 500 сабель. — А. Б.) предполагает в самое ближайшее время сгруппироваться (в) Ново-Покровка – Николаевка, форсировать Сиваш и зайти в тыл противнику. Погода морозная, дороги хорошие...»[997].

5-го ноября в приказе командования Южного фронта говорилось:

«...Армиям фронта ставлю задачу: по Крымским перешейкам немедленно ворваться в Крым и энергичным наступлением на юг овладеть всем полуостровом, уничтожив последнее убежище контрреволюции.

Во исполнение чего приказываю:

1. Командарм 6-й — (в) оперативное подчинение которого с получением сего передаю Повстанческую Армию Махно, переправившись не позднее 8 ноября на участке Владимировка – Сторгановка – М. Кугаран, ударить в тыл перекопским позициям, одновременно атаковав их с фронта, и не позднее 10. XI главными силами выйти на линию Копкары – Джелишай – Яланташ. Атаку производить решительно, сосредоточив для удара

крупные силы. Иметь дальнейшей задачей решительное наступление на Евпаторию – Симферополь – Севастополь. Повстанческую армию Махно немедленно по получении приказа, переправив на участке М. Курган – Кат, бросить в тыл перекопским укреплениям в общем направлении на Дюрмен (на тракте Перекоп – Симферополь). Оказать необходимое содействие (в) снабжении означенной армии патронами и средствами связи...»[998].

Этот приказ практически был трудно выполним, так как броды еще не были найдены, в Сиваше 5-го ноября стоял высокий уровень воды, которую пригнал восточный ветер.

Переправа Повстанческой Армии на укрепленный берег Литовского полуострова должна была производиться без какой-либо помощи других воинских частей и артподготовки.

Следом должна была переправиться 45-я бригада 15-й дивизии для закрепления за собой Литовского полуострова.

Выполняя приказ, повстанцы-махновцы, разведя ориентирные костры на побережье, в 22 часа 5-го ноября у с. Строгановки вошли в воды Сиваша. Но, пройдя по броду полдороги по вязкому, проваливающемуся дну с лошадьми и тачанками они повернули назад из-за высокой воды. Группа вернулась на старое место сосредоточения в ее. Ново-Николаевку и Ново-Покровку. Начало наступления было отложено[999].

Сиваш 5-го ноября для войск был непроходим.

Но, к счастью наступающих, вскоре ветер изменил направление и подул сильный северо-западный, который погнал воду из Сиваша и уже после этого «...ночью, 6-го ноября, саперы с помощью населения близлежащих сел прокладывали специальные дороги из соломы, хвороста, старых досок, бревен и других материалов...»[1000].

В этот же день Фрунзе телеграфировал В. И. Ленину:

«6 ноября 1920 г., ст. Рыково.

Сегодня прибыли со Смилкой на ст. Рыкове, где находится командарм 4. Производится энергичная работа по подготовке форсирования перешейков. Общее впечатление от посещения 13 и 4 армий таково, что при всей значительности поражения, понесенного противником, большая часть его конницы и известная часть пехоты в лице основных дивизий успели спастись частью через Чонгарский полуостров и частью через Арабатскую Стрелку, где по непростительной небрежности конницы Буденного не был взорван мост через Генический пролив.

В настоящее время производится энергичная работа по подготовке форсирования перешейков. Работы в страшной степени тормозятся полной оторванностью тылов, отсутствием не только танков, но даже тяжелой артиллерии дивизий, далеко отставшей позади, затянувшимся ремонтом железнодорожных мостов, отсутствием топлива, недостатком продовольствия для передовых частей. Условия работы при таких обстоятельствах неимоверно тяжелы.

Ввиду изложенного, а также ожидаемого прибытия флота, без которого немыслимо развитие операции нашего левого фланга, приходится несколько медлить с началом операции. Сейчас едем в штаб 1, 2 и 6 (армий) для ознакомления с условиями в районах расположения их частей. Окончательно время операции будет установлено на днях...»[1001].

И только в третью годовщину Октября «утром 8. XI части 154-й бригады 52-й дивизии форсировали Сиваш и вышли на Литовский полуостров, что восточнее Армянского Базара...»[1002].

Следом переправились части 15-й и 52-й дивизий.

Тогда же 8 ноября белые бросили в контратаку против переправившихся лучшую свою дивизию — дроздовскую, усиленную отрядом бронемашин, и потеснили наступающие части 15-й и 52-й дивизий обратно на Литовский полуостров.

Врангель понял, что судьба его решается не на Перекопе, а на Литовском полуострове. И начал снимать войска с других позиций и бросать в бой на полуостров.

Жестокий бой продолжался больше суток. Красные бойцы не имели пресной воды, пищи, кончались боеприпасы. Обстановка усложнялась еще и тем, что ветер изменил направление и вода в Сиваше начала прибывать, угрожая затопить переправы и отрезать 15-ю и 52-ю дивизии, понесшие и без того громадные потери.

О том, что происходило на валу, рассказывал комдив 51-й дивизии В. К. Блюхер: «...Под Турецким валом на артиллерийских позициях царило молчание. Густой туман покрыл Турецкий вал. Напряжение нарастало. С Литовского полуострова непрерывные запросы: “В чем дело?”

С Турецкого вала белые нас засыпали огнем. Семикилометровое пространство и на валу превратилось в сплошное море воронок. Около 12 часов полки ударной и 152 бригад с 453-м полком ринулись на штурм... Неся огромные потери, они все ближе и ближе подходили к Турецкому валу.

На Литовском полуострове белые бросают в контратаку 13-ю и 34-ю дивизии.

Около 18 часов вновь атакуем Турецкий вал. В первых рядах пехоты идут броневики. У самого рва, встретив неожиданно проволоку, пехота вновь остановилась. Целый день беспримерного сражения не принес еще победы, но цель была уже близка.

Около 200 орудий белых да 400 пулеметов поражали наши части, располагавшие только 90 орудиями.

Ночью, около часа, меня вызвал к аппарату М. В. Фрунзе: “Сиваш заливают водой. Наши части на Литовском полуострове могут быть отрезаны. Захватите вал во что бы то ни стало”[1003].

“...На Литовском полуострове Советские части отбивали яростные контратаки врангелевской пехоты и кавалерии. Враг пытался сбросить их в Сиваш, залитый нахлынувшей водой. Броды были затоплены. Части, действовавшие на Литовском полуострове, были отрезаны от главных сил. Создалась угроза гибели этих частей. Положение было крайне напряженным...”[1004].

Командующ Фрунзе так вспоминал этот момент:

“...Вода за это время уже сильно испортила брод, но переправа все же еще была возможна. Часам к 4 явились и махновцы. Вызвав к себе их командующего Каретникова и начальника штаба, фамилию которого сейчас не помню, я изложил им обстановку и потребовал немедленного отправления на тот берег. На переговоры пришлось потратить целый час. Видимо махновцы не совсем доверяли мне и страшно не хотели двигаться в поход, опасаясь, быть может, какой-нибудь ловушки. Несколько раз Каретников и начальник штаба то уходили, то вновь приходили ко мне под предлогом получения тех или иных данных...”[1005].

Командующий Крымской группой войск Совета Революционных Повстанцев Украины (махновцев), в составе 3 000 сабель, 450 пулеметов на тачанках, Каретников провел совещание командиров и отдал приказ о наступлении.

И колонны вошли в Сиваш, кипящий от разрывов снарядов...

Выйдя на берег Литовского полуострова, Крымская группа заняла исходные позиции.

В связи с выходом в тыл перекопских укреплений войск 15-й, 52-й стрелковых дивизий и Крымской группы Совета Революционных Повстанцев Украины (махновцев), Врангель “не считал возможным продолжать бой под Перекопом” и в ночь на 9 ноября отошел к своим Ишунским позициям.

Его отход советскими частями был обнаружен только утром 9 ноября, то есть после ночного боя с оставленным на Турецком валу охранением...”[1006].

9 ноября в 2 часа части 152 и Огневой бригад снова пошли на штурм Турецкого вала, а в 4 часа с небольшим сопротивлением обороняющихся заняли сам вал, начали преследование отходящего на Армянск противника и к 15 часам достигли первой линии Ишунских укреплений.

Во вторую половину дня 9 ноября все дивизии повернули фронтом на юг и юго-восток и повели дальнейшее наступление на Ишунские позиции. Части 52-й и 15-й дивизий наступали на укрепления от берега Сиваша до северной оконечности озера Красное.

В ночь на 9 ноября, подтянув к озеру Безыменному конный корпус генерала Барбовича общей численностью до 4 500 сабель при 30 орудиях и бронемашинах, 150 пулеметах, противник обрушился на левый фланг 15 дивизии, заняв укрепленные линии по южному берегу Сиваша, потеснил и правый фланг дивизии, но с подходом наших резервов дальнейшее продвижение противника было остановлено. Понеся потери, противник отошел

за укрепленную линию.

Пытаясь зайти в тыл 15 дивизии, около 15 часов того же числа, вся масса конницы при бронемашинах вторично была брошена противником на левый фланг дивизии, и ему удалось прорваться на участке Сиваш – озеро Безыменное. Части дивизии под давлением конных мае[1007] начали было отход, но вовремя подтянутый к месту прорыва пулеметный полк Повстанческой Армии, быстро развернувшись, огнем своих пулеметов отогнал противника и положение было восстановлено...

Вот как описал этот эпизод участник того боя:

«...Глядя в сторону белых из-под ладони, Матвей скорее догадался, чем увидел — конница. Кавалерийская лава расплеснулась километра на полтора и двигалась густо, верно, стремя в стремя и не в один ряд.

— Тысячи четыре... А может больше...

Это проговорил Каретников. Он что-то обмозговывал, на что-то решался. Лавина могла не только опрокинуть пехоту... Было видно, как левый фланг 15-й прижатый к Сивашу, уже стал осаживать, беспорядочно отступая... Разогнав пехоту, кавалерия белых с налету могла смести и махновскую конницу. А ей, как и всем, отходить было уже некуда: вода в Сиваше поднялась.

— Матвей, — рявкнул Каретников, — к Кожину. Скажи Фоме — все тачанки вперед и развернуть по белым. Швыдко!

Бойченко летел километр с такой скоростью, что конь был в мыле.

Фома Кожин, наверное, и сам правильно оценил обстановку, приготовился, ждал только приказа. Поднявшись во весь рост на тачанке, гаркнул свое страшное:

— Хлопци! Р-робы грязь!

Матвей поскакал на КП. Оттуда он увидел, как выгнувшись дугой, навстречу лавине врангелевской конницы мчатся двести махновских тачанок. Вот они проскочили, оставив за собой отступающую пехоту.

Уже лишь сотни метров отделяли тачанки и ревущую лаву кавалерии. Земля мелко дрожала от топота тысяч коней.

Тогда, следуя за командирской, тачанки одна за другой описали полукруг и остановились. Плотный убийственный ливень обрушился на белую кавалерию. Наткнувшись на огненную преграду, конники сбились, за клубились опрокидывающейся волной. Все смешалось: вздыбленные, рухнувшие, бегущие кони, тусклый блеск клинков в пасмурном дне, воздетые руки, груды тел.

И, разбившись об огненную преграду, оставив на месте горы трупов, редкие жалкие ручейки конницы Врангеля, отдельные всадники повернули вспять. Теперь было видно, как настигнутые пулями, валятся на скаку лошади, сбрасывая всадников, как вскидываются в стременах и скатываются наземь кавалеристы...»[1008].

В бой включилась наша кавалерия, которая на плечах бегущего противника вклинилась в оборону белых, прорвала ее, и через прорыв вышла в тыл обороняющимся.

В Гуляйполе же в это время особенно активизировалась работа руководящих органов Совета Революционных Повстанцев Украины (махновцев).

Особенно нас тревожил вопрос подписания 4-го пункта политического соглашения, а также умалчивания в центральной прессе о соглашении с махновцами и военных успехах повстанческих войск на врангелевском фронте.

О том, что в ближайшее время Крым будет взят, не было никаких сомнений.

А дальше что? Снова борьба с красными?

Кроме того, становилось известно о секретных инструкциях высшего комсостава красных в отношении линии поведения к союзникам-махновцам. Мы предполагали, что так нас не оставят. Начались придирки, ущемления, умалчивания в прессе о наших боевых успехах в рейдах по тылам Врангеля, аресты и т. д.

Так, например, протоколы свидетельствуют о заботах тех дней:

«Протокол № 1. Секретного заседания членов Совета Революционной Повстанческой Армии (махновцев), членов штаба и ответственных представителей Революционного повстанчества (махновцев).

от 9-го ноября 1920 года.

Слушали: доклад представителей Револ. Повстанч. Армии Украины (махновцев), прикомандированных при Южфронте в Красной Армии, связи военного соглашения: Красного командования и Революционной Повстанческой Армии тт. Буданова и Куриленко.

Постановили: а) заслушав письменный доклад тов. Попова и устный тт. Буданова и Куриленко о их деятельности при Южфронте и военно-политической ситуации (обстоятельств) связи заключенного военного соглашения между Революционным повстанчеством и Красным командованием.

Заседание постановило: отозвать из Южфронта представителей Революц. Повст, тт. Хохотву, Клейна, Марина и оставить для дальнейшего представительства при Южфронте тт. Буданова, Попова и О. Таратуту. При чем уполномочие их должно быть на равных правах, как политических так и военных вопросах.

Заседание ставит на вид представителям при Южфронте в особенности тов. Попову вести себя корректно и безупречно к своему делу, которое тесно связано с армией и ее задачами.

б) О пункте 4-м политического соглашения заседание постановило: поручить представителям Рев. Повст. Армии (махновцев) при Южфронте отстаивать пункт полностью в следующей формулировке: «Ввиду того, что одной из существенных сторон махновского движения является борьба за самоуправление трудящихся масс у себя на местах Повстанческая Армия махновцев выдвигает 4-й пункт политического соглашения, а именно: организация в районе действия махновской армии рабоче-крестьянским населением вольных органов экономического и политического самоуправления, их автономия и федеративная связь с государственными органами Советских Республик.»

в) Для удовлетворения продовольственных нужд Револ. Повст. Армии (махновцев) заседание постановило требовать средства через представителей от Южфронта в размере аванса СТО МИЛЛИОНОВ руб. частично уже полученных Револ. Повст. Армией (махновцев).

Председатель Секретарь».[1009]

«Протокол № 2 Заседания Совета Револ. Повстанцев Украины (махновцев) от 11 ноября 1920 года.

Слушали:

- 1) Доклад о сконструировании Культурно-Просветительного Отдела армии.
- 2) О секретарстве в Совете.
- 3) Принятие и утверждение отчета тов. Буданова.

Постановили:

Утвердить тов. Марина в качестве уполномоченного Совета Заведующим Культурно-Просветительным отделом.

С сего числа 11/XI-20 г. считать тов. Попова освобожденным от должности секретаря Совета, утвердить в качестве секретаря тов. Рыбина.

Совет постановил утвердить отчет тов. Буданова, оставшуюся сумму тов. Буданов должен передать тов. Рыбину ПЯТЬСОТ тысяч (500 000) рублей и соответствующие счета для передачи казначею, и ДВЕСТИ тысяч (200 000) оставить себе, для поездки в г. Харьков.

Председатель Секретарь».[1010]

»Протокол № 3 Заседания Совета Револ. Повстанцев Украины (махновцев) от 13-го ноября 1920 г. с. Гуляй-Поле.

Слушали:

1) Письменный доклад тов. Марина, устный доклад т. Махно и письмо в Полевой Штаб.

2) Доклад тов. Гриши из Александровска о творившихся репрессиях коммунистами над арестованными махновцами и над повстанцами-махновцами, крестьянством и анархистами.

3) Доклад тов. Белаша о созыве на 15-е ноября районного крестьянского съезда.

Постановили:

Доклад тов. Марина Совет постановил принять к сведению и послать в полевой штаб письмо тов. Махно.

Совет постановил довести до сведения советского правительства через своих представителей при Южфронте о творившихся репрессиях над махновцами и требовать немедленного освобождения из тюрем махновцев и анархистов. А также довести до сведения командования Южфронта о том, что Красное командование на фронте недружелюбно относится к командованию Революц. Повстанч. Армии (махновцев) на почве симпатии красноармейцев к командованию Революц. Повстанч. Армии (махновцев) и желания их перейти в ряды повстанчества. Красное командование не стремится все назревшие вопросы разрешить мирным путем, а обостряет их.

Совет постановил: в силу тактических соображений съезд отложить и созыв съезда оставить на время открытым по мере необходимости. Тов. Белашу приporучается техническая подготовка к съезду.

Председатель Совета. Секретарь П. Рыбин».[1011]

12 ноября 15, 51 и 52 дивизии с боем заняли г. Ишунь, где захватили богатые трофеи. В тот же день 30-я дивизия атаковала ст. Таганаш и заняла ее, предоставив 2-й конной свободу действий.

В это время Крымская группа, рейдируя в тылу Врангеля, 13-го ноября заняла г. Симферополь[1012], а в 13 часов 14 ноября заняла Булганак — Джавджурек[1013], где было взято много пленных, 4 полевых орудия, пулеметы и прочие военные трофеи. За время боев на перешейках Крыма 51-я и 52-я стрелковые дивизии потеряли убитыми и ранеными около 85% своего состава; 15-я дивизия — 50, а махновцы — до 30%.

13 ноября Врангель издал приказ о роспуске армии, а сам погрузился на пароход. Сколько-нибудь значительных боев в Крыму больше не было.

15-го ноября махновцы заняли город Евпаторию, а местные повстанцы — «зеленые» — Феодосию, 1-й Конной занят Севастополь, а за ним пали Керчь и Ялта. Во взятии этих городов принимали участие и отряды махновцев, вошедших в состав красных войск.

Армия Врангеля, таким образом, за 26 дней была ликвидирована. Остатки ее погрузились на корабли и отплыли к берегам Босфора, отдавшись под покровительство Франции.

Но не удовлетворившись победой на суше, командюж, согласно указаниям из Москвы, отдал приказ от 15 ноября командующему морскими силами Южфронта:

«Радио определенно указывает о затруднительном положении судов противника, вышедших в море и оказавшихся без запаса угля, пресной воды и сильно перегруженными. При таких условиях транспорты противника не смогут далеко оторваться от берега, для наших подводных лодок открываются самые широкие возможности.

Приказываю развить самую энергичную работу подводных лодок и ликвидировать попытки противника ускользнуть морем из-под ударов наших армий.

Командюжфронта Фрунзе»[1014].

Наша Крымская группа и разрозненные отряды махновцев, потеряв за время боев до 6 000 человек убитыми и ранеными, в составе 3-х кавполков в 1 500 сабель; 2-х пулеметных полков, один из 250-ти «Максимов» и 2-й из 200 «Люисов»[1015], 300 тачанок с пехотой[1016], 34-х орудий, заняла гарнизонную службу в г. Евпатории.

Еще велись бои в Крыму, а Командюж уже работал на перспективу, издав 15 ноября следующий приказ:

«В связи с ликвидацией Врангеля, необходимо в кратчайший срок очистить территорию Украины от бандитских шаек.

Предлагаю совместно с командвиус[1017] поставить данный вопрос в порядок дня и выработать к моему приезду соответствующий план.

Командюж Фрунзе»[1018].

Выше упоминалось, что Политбюро ЦК КП(б)У еще 29 сентября 1920 г. в своем постановлении о соглашении с махновцами указывало: «Соглашение не оглашать, ограничиваясь сообщением после перехода Махно в тыл Врангеля».

И этого своего решения партийные органы весьма придерживались.

Но в подписанном сторонами соглашении указывалось на необходимость его опубликования, на что махновцы настойчиво указывали Советским властям.

И вот, наконец, 15-го ноября появилась статья:

«О соглашении с армией Махно. Всем Губкомам.

Центральный Комитет партии подтвердил состоявшееся вступление частей партизанской армии Махно под оперативное командование Красной Армии, а также амнистию махновцев-анархистов, связанных с ними, и разрешение им легальной деятельности при условии, что они не будут вызывать вооруженного выступления против Советской власти и будут вести честную и лояльную борьбу без призыва к срыву Советской власти.

Это решение Центрального Комитета было принято не только по соображениям военного характера, которые, конечно, тоже имели свое значение, но еще и по соображениям общественно-политического характера. Поскольку анархические организации ограничивались проповедью своих идей, Советская власть никогда не препятствовала их пропаганде. Анархизм, понимаемый в его чистом виде, как отрицание всякой государственной власти, является вредной утопией в периоде пролетарской революции, когда необходима централизованная власть для того, чтобы дать отпор внешней и внутренней контрреволюции. Наоборот, если понимать анархизм, как борьбу с бюрократическим централизмом, как развитие самостоятельности трудящихся масс, как стремление у самой массы воспитать сознательное участие в социалистическом творчестве, в такой пропаганде Советская власть не может видеть никакого вреда.

Вот почему Советское правительство Украины пошло навстречу предложению махновцев и дало им возможность доказать на деле искренность заявлений и утверждений.

Отношение Советской власти к махновцам-анархистам ясно определяется подписанными соглашениями.

Советская власть предоставляет им свободу действий в рамках этого соглашения, рассчитывая, что анархисты сами не будут его нарушать и, таким образом, не заставят Советскую власть применить к ним меры прошлого.

Отношение партии коммунистов-большевиков к махновцам-анархистам определяется общей политической обстановкой, которая диктует нам бороться такой же честной и открытой идейной агитацией против течений, которые, если доводить их до логического конца, могут действовать разлагающим образом на революцию и ослаблять организованную сплоченность пролетариата. Как известно, политическое течение анархизма своей проповедью "вольных советов" делается в силу самой логики классовой борьбы теоретическим прикрытием кулачества...

Центральный Комитет обращает внимание всех партийных организаций на возможное усиление деятельности анархистских групп и на обязанности партийных организаций и партийных товарищей путем пропаганды нейтрализовать их разлагающую работу.

ЦК КПУ. 1 ноября 1920 г.»[1019].

Тем временем, из Гуляйполя Совет Повстанческой Армии и основной штаб добивались у Совправительства Украины подписания 4-го пункта. Но правительство со дня на день откладывало этот вопрос, мотивируя несогласованностью с Москвой.

20 октября по этому поводу из Харькова приехала группа набатовцев, в их числе и Рыбкин. Аршинов-Марин к этому времени был уже здесь и, заняв место завкультотдела Совета, издавал газету. Рыбкин был кооптирован секретарем в Совет и также занялся организацией курсов пропаганды. Для этого Советом были отпущены средства и выделены наиболее способные командиры и рядовые повстанцы. Их было около 170-ти человек, Рыбкин с ними занимался, совмещая это с работой в Совете.

Аршинову тоже были отпущены средства на дело печати, и он организовал редакционные коллегии, которые разъехались в Киев, Екатеринослав, Елиса-ветград, Одессу, Полтаву, Кременчуг, Херсон, Николаев, Александровск, Мариуполь, Бердянск, Юзово и Крым, ставя дело печати и пропаганды анархических идей на должную высоту.

Здесь нами широко использовался 2-й пункт политического соглашения, в котором говорилось: «...Полнейшая свобода агитации и пропаганды как устно, так и печатно махновцами и анархистами своих идей и пониманий, без всякого призыва к насильственному ниспровержению Советского правительства и соблюдения военной цензуры...»

Приехавшие в Гуляйполе свыше 100 человек анархистов, таким образом нашли в армии работу.

Махно писал впоследствии:

«Стоя во главе от начала до конца революционной махновщины и руководя ее авангардом — армией повстанцев-махновцев, я, конечно, старался стянуть в это широкое низовое массовое революционное движение, как можно больше анархических, мало-мальски знающих анархизм и его прямые задачи в революции, сил. Я радовался, когда некоторые мои идейные товарищи — анархисты — появлялись в рядах повстанчества. Я ценил и уважал их. Я слишком близко допускал их к делам, которые в движении возлагались на меня, как на первого, среди равных вдохновителей и руководителей этого движения...»[1020].

В Харькове группа «Набат», особенно, секретариат группы во главе с Волиным, освобожденным из Бутырки по соглашению, печатал газету «Набат» и редактировал «Голос Махновца» — орган Революционных Повстанцев Украины (махновцев). Кроме того, набатовцы, поддерживаемые нашими представителями в Харькове, выступали на заводах, углубляя забастовки и через синдикалистские организации агитировали рабочих против порядков Совпра-вительства и Компартии. На лекциях и митингах, в беседах и печати они пропагандировали идею безвластного и Вольного Советского Строя, знакомя население с махновщиной. Они распространяли «Декларацию махновцев», «Положение о Вольных Советах» и анархическую литературу, запрещенную и разрешенную. В этом деле помощь оказывали издательство «Голос труда» и местные типографии.

Набатовская организация начала оживать и строиться по принципу политической партии: в каждом городе во главе группы стоял секретариат, вокруг которого объединялись местные силы.

Вначале они писали о любви к большевикам, расточая на страницах печати ласки. Затем начали критику должностных лиц, совучреждений, а под конец и парторганизаций.

Тогда же Лев Черный[1021] по своей инициативе организовал фальсификацию совзнаков, а неизвестные начали расклеивать воззвания с призывом восстать против большевиков, во имя идеалов безвластия.

Подходило 10-е ноября. Совет из Гуляйполя тормозил Совправительство о подписании 4-го пункта. Но оно продолжало медлить. 15-го ноября заседал Совет и группа «Набат». На повестке дня стоял единственный вопрос о 4-м пункте. Собрание в один голос высказало свое уверение, что большевики его не подпишут, что они ни в коем случае не предоставят махновщине самоуправление в Гуляйпольском районе, где бы на деле можно было показать созидательную работу анархии, социализировав орудия производства в пользу коммуны. Рывкин говорил: «Большевики никогда не позволят нам самоуправляться, не допустят, чтобы в государственном организме было место, зараженное безвластием. Нам надо готовиться, чтобы силой оружия отстоять независимость района и дальнейшее развитие анархического строя».

Итак, надо вооружаться, надо быть начеку, чтобы в любой момент отстоять 4-й пункт. До 15 ноября Совет и основной штаб шел по честному пути союза с большевиками. Главное внимание он уделял фронту, посылая подкрепления и рассылая по Украине своих представителей, чтобы на месте объединять гонимые махновские элементы и отсылать их на фронт.

А в это время командюж писал:

«Распоряжение Командармам 4, 6 и председателю Крымского Ревкома. № 00109. 17 ноября 1920 г. Симферополь.

Для предотвращения проникновения контрреволюционных элементов из Крыма на территорию Украины и Советской России, приказываю:

Распоряжением командармов 4 и 6 в районах Сальковского и Перекопского перешейков поставить особые заградительные отряды с представителями от Особых отделов армий. Крымскому ревкому на основании распоряжения Реввоенсовета фронта немедленно выработать и сообщить командармам 4 и 6 инструкцию для деятельности указанных отрядов...»[1022].

И тогда же 17-го ноября посылаются войска в махновский район: «...1) Командарму 1-й Конной с получением сего немедленно отправить части Конной армии через Перекоп – Бериславль в район Елисаветград – Екатеринослав – Апостолово... Штаб расположить в Екатеринославе.

2) Командарму 2-й Конной с получением сего, передав 46-ю стрелковую дивизию в подчинение командарма 4-й, отправить всю конницу походным порядком через Чонгар в район Пологи – Цареконстантиновка – Черниговка, где ожидать дальнейших указаний. Окончательный район сосредоточения и место основного штаба будут указаны дополнительно... Конный корпус Каширина сосредоточить в районе не Евпатории со штаком в Евпатории... Сводную стрелковую дивизию вернуть в резерв фронта и срочно направить в район Мелитополя, где дивизии поступят в подчинение командарм 4-й т. Грюнштейн...»[1023].

Начались мелкие эксцессы с красными командирами, в виде жалоб на махновцев, что они переманивают к себе красноармейцев-одиночек, что они укрывают дезертиров, уходящих к

махновцам с пулеметами, что они, вообще, заносчивы. По существу, все это мелочь и не стоит ломаного гроша. Но за такую мелочь виновные махновцы расстреливались по приговору Комиссии антимахновских дел.

Так, в с. Малотокмачке один махновец обезоружил красного командира лишь потому, что ему понравился «Маузер» и верховая лошадь. Командир 2-го полка Клерфман за это расстрелял его на месте, возвратив лошадь и оружие потерпевшему. В Большой Михайловке пять махновцев убили начальника снабжения какой-то дивизии, а с ним трех красноармейцев за то, что добровольно не сдали оружие и деньги. Из штаба выехал Щусь и на месте расстрелял виновных махновцев. В Михайлово-Лукашово махновец комроты отряда Чалого, вернувшегося из Мелитополя для организации пополнения Крымской группы, переманил к себе с 2-мя пулеметами взвод красноармейцев, которые охотно перешли к нему, тем самым, обезоружив красную часть. Был скандал, и махновец комроты за это был расстрелян. Такие случаи были.

Что же касается массовых случаев нападения, то в этом виноваты исключительно местные бандиты, неорганизованные крестьяне и уцелевшие кадры белых армий. Мы же виновных строго преследовали и карали расстрелами, как контрреволюционеров и провокаторов, желающих сорвать наше соглашение с Соввластью в пользу Врангеля и Польши. И так было до последнего дня 25-го ноября.

Как дальше развивалась обещанная большевиками демократия, показывает приказ отдела управления Мариупольского военно-революционного комитета от 25-го ноября 1920 года. Приказ адресовался всем подрайонам и волревкомам:

«Ввиду состоявшегося соглашения между Советской властью, с одной стороны, и партизанскими отрядами Махно, с другой, в уезде последними устраиваются сходы и собрания, где, критикуя Советскую власть, ораторы предлагают не подчиняться государственным законам Республики, не выполнять продразверстку и не признавать власть Советов.

Такого рода агитация является недопустимой, потому что контрреволюционеры, шпионы и другие слуги буржуазии от имени махновцев подготавливают против Советской власти восстание и хотят создать новый фронт.

Для правильного освещения вопроса о целях и задачах соглашения Советского правительства с Повстанческой Армией Махно и поведении анархистов отдел управления приказывает соблюдать следующий порядок:

1. Никаких собраний без ведома волревкомов в волости, подрайкомов в подрайоне и Отдела Управления в городе не допускать.
2. Устроители митингов и собраний обязаны доводить каждый раз до сведения указанных выше учреждений с предоставлением списка официальных ораторов, выступающих от имени легальных партий. Остальные же ораторы берут слово в общем порядке и несут ответственность за свои речи самостоятельно.

3. На всех митингах обязаны присутствовать представители Советской власти для фиксации заявлений о неправильных действиях комиссаров или уполномоченных Советской власти. С целью привлечения последних к ответственности за совершенные преступления, а также для привлечения ораторов к ответственности за ложь и клевету на советских и партийных работников, если таковая будет иметь место в выступлениях.
4. Всем инструкторам и членам Ревкома вменяется в обязанность разъяснять гражданам, что митинги и собрания, проводимые политическими партиями, даже коммунистической, не носят законодательный характер, а являются дискуссионно-агитационными, а не выполнение существующих постановлений и распоряжений Советской власти влечет за собой серьезную ответственность перед законом Республики.

Наблюдение за исполнением данного приказа возлагается на чрезвычайную комиссию и милицию»[1024].

Но все это мелочи по сравнению с тем, что на самом деле было в глубине конспирации с обеих сторон.

16-го ноября Совет выдал организаторам мандаты на право «собрания повстанцев-махновцев и переброски их на Крымский фронт», командировав их в родные районы и губернии Украины. Так Христовой едет в Зеньковский уезд, Иванюк — в Конградский, Брова — в Новомосковский, Колесниченко — в Изюмский, Сыроватский — в Бахмутский, Вдовиченко — в Мариупольский и Бердянский, Лонцов-Кочубей — в Павлоградский, Морозов — в Таганрогский и так далее. Наряду с официальным скромным мандатом они получают секретное распоряжение заключавшееся в том, что отряды, так называемые маршевые, должны развернуться на «случай».

Но принимая во внимание, что крестьяне устали от войны, да к тому же середняк начал утрачивать союз с батраком и, будучи обеспечен землей, не поддержал бы махновщину против Соввласти. Ему не важна была политическая борьба теперь, когда он за счет кулака улучшил свое материальное положение. Основная же опасность заключалась в другом. 42-я и 30-я дивизии неоднократно присылали к нам делегатов, упрашивая взять их под свое командование. 2-я Конная, во главе с командармом Мироновым вела с нами переписку и была готова восстать по первому сигналу. Занимая Симферополь и Севастополь, мионовцы называли себя махновцами. 1-я Конная с 11-го ноября также подверглась обработке. Одна из боевых и устойчивых бригад писала о своей согласии подчиниться нашему распоряжению, и ее комбриг Маслаков[1025] уверял, что за ним пойдет вся армия. И мы ему верили, зная, что около 40 процентов кавалеристов — элементы из бывших корпусов Мамонтова и Шкуро. Вот, где была основная опасность! 1-я Конная, 2-я Конная, 30-я и 42 стрелковые дивизии — основная сила на юге: это значит гарантия успеха в борьбе!

С Кавказа во 2-ю Конную шли маршевые эскадроны, вооруженные саблями и винтовками, но без пулеметов и орудий. По распоряжению Миронова они таяли в Гуляйпольском районе, объявляя себя махновцами. Шесть маршевых эскадронов 23-го ноября в селе Берестовое влились в отряд Вдовиченка. 11-ть маршевых эскадронов (кубанцы, наполовину бывшие

шкуровцы), арестовав комиссаров, из Басани повернули в Гуляйполе и по четыре сотни влились в наши пехотные полки: 2-й Клерфмана и 4-й Савонова, а остальные — в Особый кавполк Маскалевского. Если 25-го октября в Гуляйпольском районе оставалась незначительная сила (разбитые Донским корпусом Морозова пехполки Клерфмана и Савонова), насчитывающая до 2 000 штыков, 400 сабель, 30 пулеметов, 2 орудия и батальон телеграфной связи, то к 23-му ноября она выросла до 10 000 штыков, 3 000 сабель, 200 пулеметов и 18 орудий. Крымская группа, как мы знаем, насчитывала в Евпатории до 3 500 сабель, 500 пулеметов и свыше 30 орудий. Имея поддержку 2-й и 1-й армий, 42-й и 30-й стрелковых дивизий, махновщина представляла внушительную силу — ядром, за которым пошло бы большинство местного населения.

Так готовилась вооруженная сила во имя идеалов 4-го пункта (автономии одного маленького района), практических анархо-коммунистических идей, конкуренции махновского «социализма» с государственным «коммунизмом» Раковского и Пятакова.

Подобные действия были и со стороны красного командования, лихорадочно готовившегося к борьбе.

Так командюж телеграфирует 24 ноября Главкому:

«Прошу сообщить, последуют ли с вашей стороны какие-либо указания в отношении изменения намеченной мной перегруппировки фронта.

После некоторых изменений, вызванных обстановкой во фронтовом тылу, таковая сейчас представляется в следующем виде:

Первое. 2-я Конная на марше в район Пологи, Цареконстантиновка, куда пребудет 27–28 ноября; отсюда будет продолжать движение на Кавказ; в районе Пологи окажет содействие по уничтожению банд и разоружению населения.

Второе. 1-я Конная на марше в район Елисаветграда, Апострлово, Екатеринослав. 23 ноября имели дневку в районе Чаплинка, Черная Долина, Балтозарский. 4-я дивизия из этого района направлена в район Синельниково, куда должна прибыть не позднее 30 ноября. Здесь дивизия должна оказать содействие по уничтожению шаек и изъятию у населения оружия. Командарм 24 ноября прибывает в Екатеринослав...

42-я дивизия, Отдельная богучарская бригада и Интеркавбригада под общим командованием начтыла имеет задачу очистить от бандитов район Пологи, Гуляй-Поле, Орехов, Синельниково, Мечетная, Александровен. Дивизия курсантов 26 ноября сосредоточивается в Мелитополе, где временно поступает в подчинение начтыла.

Командюж Фрунзе»[1026].

Характерно, что еще не совершены те преступления, в которых обвинят махновцев, а их уже называют бандитами.

Кроме того, в махновском районе уже было полно красных войск, и нас уже давно беспокоило это.

23-го ноября Савонов, стоящий на ст. Пологи, перехватил четырех секретных агентов 42-й дивизии, а Клерфман, стоящий в М. Токмачке, трех агентов. Все они направлялись в Гуляйполе для слежки за квартирами махновских руководителей. Часть их была снабжена листовками политотдела 42-й дивизии: «Смерть махновцам», «Вперед на Махно» и другими, заготовленными ранее. Перехваченные агенты раскрыли секретные карты и были из-под ареста освобождены. На этом основании мы потребовали от правительства смешанной комиссии и привлечения виновных к ответственности. К сожалению, телеграфная линия Харьков – Гуляйполе весьма часто прерывалась, видимо, по распоряжению Наркомпочтеля. Харьков отвечал отрывочными фразами, создавая впечатление будто правительство согласно послать комиссию. Но в разговоре чувствовалась вынужденная сдержанность, затаенная злоба. Мы поняли, что правительство нас опередило и готово идти на разрыв. Формируемые нами части начали усиленно заниматься строевыми занятиями.

24-го ноября в Гуляйполе прибыл Мартыненко[1027], видимо, в разведку. Было заседание на квартире Махно и Куриленко. Говорили о государственности, власти и анархии, говорили о Турции и автономии гуляйпольщины. «Если ваше Правительство будет настолько щедро, — говорил от Реввоенсовета Рыбкин, — и подпишет 4-й пункт, я полагаю, армия выступит в Турцию.» Мартыненко уверял, что «Москва согласна подписать и что окончательно разрешение этого вопроса зависит теперь от Украинского правительства, которое на днях это оформит». С Мартыненко я договорился обменяться английской батареей и, когда он, вместе с правительственным уполномоченным при нашем Совете т. Васильевым, отъезжал, выслал в Б. Токмак Сипливого[1028].

Напряженно работали разведка и контрразведка с обеих сторон.

По чекистской линии из Харькова в р-н Гуляйполя была откомандирована группа Мартынова, около 40 человек со специальным заданием — разложить махновщину изнутри, а в случае неудачи — террористическими актами снять отдельных ее руководителей. Среди мартыновцев, прибывших из Харькова, были и наши разведчики, руководимые анархистом и бывшим адъютантом Чередняка и Шубы, Мирским. Они посылали в штаб секретные сводки и события предупреждались раньше, чем они вполне созревали.

Так в Гуляйполе приехала группа свыше 10 человек мартыновцев и объявила себя анархо-универсалистами. Они должны были ликвидировать ответственных работников Совета. Между ними были и наши ребята, которые предупредили акт в самый критический момент.

24-го ноября на квартире у Махно отмечали какой-то праздник, к вечеру там собрались активисты махновщины. Сюда явились и мартыновцы с бомбами. Они были схвачены и на допросе сознались. По приговору комиссии антимахновских дел в ночь на 26-е 7 человек были расстреляны.

25-го ноября культотделом Совета, под редакцией Аршинова, был отпечатан проект «О Вольном Совете».

По случаю приезда Мирского в штаб, под вечер, было заседание. Мирский говорил: «Красные ночью готовят налет, надо быть начеку. Мартыненко не выпускает из Токмака наши орудия, Сипливый арестован. Но есть надежда на комполка 42-й дивизии т. Глазунова[1029], он обещал, в случае чего, арестовать штаб 42-й дивизии и перейти на нашу сторону. В районе концентрируются красные войска: надо быть готовыми и скорее, ибо мы погибнем этой же ночью». Махно возмущился, подозревая в Мирском излишнюю горячность и даже провокацию. Но Мирский извлек бумагу и пренебрежительно подал ее Махно. Мы начали читать.

«П р и к а з

Армиям Южного фронта копия Командарму Повстанческой тов. Махно

№ 00155/пш ст. Лозовая 24 ноября 1920 г.

23 ноября Революционным военным советом Южного фронта отдан следующий приказ командованию так называемой Повстанческой армии махновцев. В связи с окончанием боевых действий против Врангеля ввиду его уничтожения, Революционный военный совет Южного фронта считает задачу партизанской Повстанческой Армии законченной и предлагает Реввоенсовету Повстанческой Армии немедленно приступить к работе по превращению партизанских повстанческих частей в нормальные воинские соединения Красной Армии.

Существование Повстанческой Армии особой организацией более не вызывается боевой обстановкой. Наоборот, существование наряду с частями Красной Армии отрядов с особой организацией и задачами приводит к совершенно недопустимым явлениям. За последнее время имели место следующие факты:

1. 12 ноября в с. Михайловке убиты и раздеты догола 12 красноармейцев.
2. 16 ноября в с. Пологи ограблено несколько красноармейцев 124-й бригады, ехавших за оружием в артлетучке.
3. 17 ноября в с. Пологи банда под предводительством комвзвода 2-го конного полка Махно раздела и пыталась убить комвзвода 376-го полка.
4. 21 ноября в д. Вербовая ограблен ветврач 3-го артдивизиона 42 дивизии.
5. По донесению комполка 373, 21 ноября в с. Гуляй-Поле комполка 4-й Махновской армии отобрано у двух красноармейцев хозяйства 373-го полка 35 тысяч винтпатронов, 15 винтовок, несколько ручных гранат и пулеметные части.
6. В районе Б. Токмака убит бандами каптенармус 9-й стрелковой дивизии, везший обмундирование.
7. 7 ноября в с. Ивановке убито 6 красноармейцев 2-й спешенной кавалерийской бригады.

8. В районе с. Жеребец ограблен отдел 23-й дивизии и произведен налет на транспорт интеркавбригады. Ранен командир транспорта и убито несколько красноармейцев.

В районе расположения банд повстанцев они убивают советских продработников, помогая тем самым кулакам бороться против пролетариата, красноармейцев и крестьянской бедноты. Кроме того, фронтовые части Повстанческой армии отказались 20 ноября выполнить боевой приказ фронта о движении на Кавказ. Различные группы, именующие себя махновцами, по всей Украине совершают грабежи и насилия над населением. Все это заставляет Революционный военный совет Южного фронта торопиться с ликвидацией партизанщины и беспорядка в районе фронта и поэтому он предлагает Реввоенсовету Повстанческой Армии: 1) все части бывшей Повстанческой Армии, находящиеся в Крыму, немедленно ввести в состав 4-й армии, Реввоенсовету которой поручается их переформирование; 2) упрافорм в Гуляй-Поле расформировать, и бойцов влить в запасные части по указаниям командарма запасной; 3) Реввоенсовету Повстанческой Армии принять все меры к разъяснению бойцам необходимости проводимой меры.

Бойцы Южного фронта, из фактов, перечисленных в приказе, вы видите, какая безобразная картина анархо-бандитского своеволия и разнузданности водворилась в нашем тылу. Махно и его штаб, послав для очистки совести против Врангеля ничтожную кучку своих приверженцев, предпочли в каких-то особых видах засесть с остальными бандитами во фронтовом тылу. Теперь эти виды раскрываются. Господа махновцы вместо войны с Врангелем занялись борьбой с транспортами и тылами нашей дивизии. Ими спешно организуются и вооружаются за счет нашего имущества в новые отряды. С середины ноября на территории, занятой бандами, производится мобилизация крестьянского, главным образом кулацкого, населения. Помимо этого, усиленно ведется агитация среди многочисленных толп военнопленных белогвардейцев с целью привлечения их в свои отряды. Спрашивается, против кого производится эта подготовка, против Врангеля — но его уже нет, благодаря усилиям наших красных бойцов, Петлюры — но он тоже уже доживает последние дни с Булах-Булаховичем под ударом красных полков Западного и Юго-Западного фронтов. Совершенно очевидно, что эта вся работа делается в целях подготовки к борьбе с Красной Армией. Конечно, нужно совершенно потерять голову, чтобы серьезно думать о подобной борьбе, но главарям махновских шаяк, привыкших к разгулу, грабежу и своеволию, не до этих вопросов. Они чувствуют, что наконец-то в России наступает время ликвидации гражданской войны. Чувствуют, что скоро никаким молодцам махновского или иного типа нельзя будет обделять свои делишки. И, чувствуя это, они готовы ринуться в последнюю авантюру, стараясь использовать недовольство Советской властью кулацких верхов деревень. Наш долг, товарищи, в самом корне пресечь эту глупую и вредную затею.

До 26 ноября я буду ждать ответа на вышеизложенный приказ. В случае неполучения такового, что представляется наиболее вероятным в связи с поступившими за сегодняшний день донесениями о начавшихся выступлениях махновских отрядов и ряде новых нападений на наши части, красные полки фронта, покончившие с Врангелем, заговорят с махновскими молодцами другим языком.

Товарищи красноармейцы, командиры и комиссары, будьте наготове в любой момент раздавить семя, подготовляющейся кулацко-анархистской авантюры.

С махновщиной надо покончить в три счета. Всеми частями действовать смело, решительно и беспощадно. В кратчайший срок все бандитские шайки должны быть уничтожены, а все оружие из рук кулаков изъято и сдано в государственные склады.

Уверен, что славные бойцы тех частей фронта, на долю которых падает выполнение данной задачи, вполне оправдают доверие республики.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях и командах.

Командующий Южным фронтом Фрунзе-Михайлов»[1030].

Выполнение этого приказа было равносильно самоуничтожению, а концовка его беспардонной и провоцирующей. Подход красных был бескомпромиссен и, надо думать, задуман в самом начале подписания соглашения. Мы продолжали сомневаться в таком вероломстве красных, с которыми вместе пролили столько крови в совместной борьбе против Врангеля, и усматривали в этом возможную провокацию.

Вдруг наблюдатели передали о том, что идет две сотни конницы. Заседание было прервано. Пулеметная штабная команда (20 пулем.) заняла позиции на улице, против штарма. Красный дивизион подошел, и красноармейцы, оглядываясь по сторонам, встали с коней. Комдивизиона явился в штаб и сдержанно мне объяснил, что он желает перейти на службу к нам. Он даже назвался анархо-универсалистом и просил отвести для солдат в Гуляй поле квартиры. В свою очередь, я сдержанно заявил, что этим молено нарушить договор, что не можем принять. Но он категорически настаивал, заявив, что красное командование этой ночью должно всюду напасть на махновцев. Для меня было совсем непонятно, как это все надо понимать. Но его чистосердечие внушало доверие: он рассказал то, что говорил и Мирский. Он изменил красным. Выйдя к своим, он начал ораторствовать, вспоминая все старые обиды. Красноармейцы с ним были согласны и также выступали с речами против Совправительства. Однако сомнения остались, штарм направил их в деревню Шагарово, что в 7 верстах южнее Гуляйполя, послав с ними секретных агентов.

Было далеко за полночь. Мы собрались на квартире Махно, обсуждая вопрос независимости района и возможное выступление армии в Турцию на поддержку Кемаля. Вдруг вваливается Александр Клейн, за ним несколько анархистов... «Вот вам деньги, — говорили они, — четвертый пункт будет подписан!» Они только прибыли из Харькова, получив от красного командования 100 млн. руб., 500 сабель, 300 седел. Мы были в тупом недоумении. Почему правительство, готовя нападение, накануне посылает деньги, оружие и седла?.. В это время принесли телеграмму, перехваченную из Харькова. В ней говорилось:

«П р и к а з Армиям Южного фронта № 00131, г. Харьков 1 час 35 мин. 26 ноября 1920 г.

Требования РВС Южфронта, предъявленные 23.XI командующему Повстанческой Армией Махно, о расформировании партизанских отрядов, производящих бесчинства, им не выполнено. Вместо этого Махно открыто выступил против Советской власти и Красной Армии, объявив мобилизацию в районе Гуляй-Поле (никакой мобилизации не было — В. Б.) и начав враждебные действия нападением на отдельные отряды Красной Армии. (Никакого организованного, если не считать индивидуального, за что виновные расстреливались,

нападения со стороны махновцев не было. — В. Б.).

Ввиду изложенного приказываю:

1. Войскам фронта считать Махно и все его отряды врагами Советской республики и Революции.
2. Командирам всех частей Красной Армии, имеющих соприкосновение с махновскими отрядами, таковые разоружать; оказывающих сопротивление — уничтожить.
3. Всю территорию УССР в кратчайший срок очистить от остатков бандитских шаек и тем обеспечить возможность мирного строительства.

Командующий армиями Южного фронта Фрунзе.

Член Реввоенсовета С. Гусев.

Наштауж Пауке»[1031].

Что же происходит? Что это, сон или действительность? Застыл вопрос у всех присутствующих.

— Это провокация Мартынова или его сотрудников, — сказал Махно, подходя к окну. — Не стоит на это обращать внимания!

Вдруг послышался далекий гул орудий и пулеметная стрельба. Первый разорвавшийся снаряд снял все сомнения и нам стало все таким понятным и ясным. В комнате засуетились: хватались за оружие, наспех одевались. Канонада, точно раскаты грома, ударяла все сильнее и сильнее, приближаясь к Гуляйполю со стороны Полог...

Продолжать кровопролитие никто не хотел.

И красные и махновцы совместными усилиями сбросили в море последний оплот эксплуататоров.

Войска так ждали мира, 7 лет бойни и, наконец, нет врагов.

Так почему вновь заговорили орудия? В чем дело? Кто инициатор?

Историки утверждают, что Махно провел мобилизацию и открыл военные действия против Советской власти.

Давайте разберемся вместе.

К коммунизму и его идеалам стремились две группы людей. Но пути и средства для достижения единой цели избрали разные. Здесь они разделились на два лагеря: коммунистов-государственников и коммунистов-анархистов.

Мы считали, что государство создано из насилия и только на насилии одного класса над другим оно могло и может существовать. Пропагандировали и защищали свою идеологию в дискуссионном и полемическом порядке.

Зачем анархистам-коммунистам (махновцам) нужно было силой оружия повстанцев ниспровергать большевиков с 5-миллионной мобилизованной армией солдат. Они подписали соглашение, которому верили и которое ревностно исполняли.

4-й пункт политического соглашения предоставил бы им район с рабоче-крестьянским населением со своими вольными органами экономического и политического самоуправления, их автономию и федеративную связь с государственными органами Советской власти.

Это был главнейший пункт соглашения, ради которого махновцы пролили столько крови в борьбе с Врангелем.

Но могли ли коммунисты-государственники позволить кому-либо строить коммунизм по иному рецепту и подвергаться критике оппонентов?

Вот теперь, кажется, и расшифровывается смысл слов, что: «...вопрос о Махно обсуждался весьма серьезно в военных кругах и выяснилось, что ничего, кроме выигрыша, здесь ожидать нельзя...»[1032], сказанных В. И. Лениным на совещании МК КП(б) еще 9 октября 1920 года.

26 октября Фрунзе дал командармам, Реввоенсоветам 6, 2 и 1-й армий «соответствующие директивы в отношении Махно...»[1033].

В разгар боев за Крым Фрунзе держал 42-ю дивизию в махновском районе «ввиду возможных осложнений с Гуляй-Подем»[1034].

Это и многое другое говорит о том, что заранее было спланировано использовать повстанцев как союзников в борьбе с Врангелем, а с победой их же и ликвидировать военной силой. И к этому готовились заранее.

О том, что борьба будет трудной, знали.

Поэтому против повстанцев выставили части 5-ти регулярных армий — 1-й и 2-й Конных, 4-й, 13-й и 6-й, войска внутренней службы во главе с Р. О. Эйдеманом и прочие вооруженные отряды и службы. Всего это было более 350 тысяч личного состава с бронепоездами, орудиями, броневиками, самолетами и т. д. Все это создавало воистину «неограниченные возможности».

Утверждение историков, что повстанцам 23 ноября был вручен приказ Командюж от 23 ноября за № 00149 (ПШ), который полностью повторен в приказе № 00155 (ПШ) от 24 ноября (о котором сказано выше), ложно. И эту ложь достаточно убедительно опровергает телеграмма самого Фрунзе в адрес В. И. Ленина и главкома. Из этой телеграммы понятно, что операция разработана гораздо раньше и сейчас только уточняются, с посвященными в

нее лицами, детали.

В ней говорилось:

«№ 1339 (307) Ш 23 ноября 1920 г. Харьков.

В ночь с 25-го на 26-е должна начаться ликвидация остатков партизанщины. Одновременно с настоящей телеграммой мной высылается подготовительный приказ. Включенный в него текст приказа командарму Повстанческой будет передан последнему вечером 25 ноября (а не 23-го как утверждают «специалисты» — А. Б.).

В общем работа начинается раньше намеченного мной срока (29–30 ноября).

К этому времени я рассчитывал такую группировку сил, которая обеспечила бы сокрушительный удар, к сожалению, с одной стороны, под давлением из Харькова, с другой — самой обстановкой операция развивается раньше. Полагаю, что и при этих условиях она все же должна оказаться успешной.

Все инструкции начотрядам мной даны лично в Мелитополе и Синельникове. Для исключения подозрений начальнику тыла 4-й армии приказал принять ряд необходимых мер.

Командюж Фрунзе»[1035].

Значит планировалось приказ Повстанческой вручить вечером 25-го ноября, а не 23-го, а объявили повстанцев врагами уже в 1 час 35 мин. 26-го ноября 1920 года.

С какой же целью красное командование специально не дало повстанцам обсудить приказ, принять решение и дать ответ? Да упомянутый приказ повстанцам вообще не вручался.

Это был безмотивный террор.

Кроме того, упомянутый в телеграмме В. И. Ленину «подготовительный приказ», был ни что иное, как черновая заготовка для приказа с предварительным названием населенных пунктов, которых в данной местности вообще не существует, с перечислением безобразий, которые якобы имели место в этих пунктах, а потом в тексте уже настоящего приказа командюж названия населенных пунктов были заменены существующими.

По заключенному соглашению анархо-коммунистическим активистам дали возможность проявиться, обнаружиться и в это же время взяли их на учет и под контроль ЧК, а в ночь с 24 на 25 ноября (подчеркиваю на 25-е) всем губчека было дано предписание:

«Ввиду нарушения договора немедленно под личную ответственность предгубчека произведите обыски и арестуйте всех махновцев-анархистов всех направлений, об исходе операции телеграфно донести в Цупчрезком...[1036] Операции не затягивать»[1037].

Повстанцы же продолжали верить в порядочность своего союзника и к такому вероломству не готовились.

В результате действий ЧК был арестован почти весь секретариат харьковской конфедерации «Набат» в составе: Волина, Давида Когана, Барона старшего, Марка Мрачного, Лия Гетмана, Цейлиха, Ольги Таратуты, Чекереса, Доленка и других. Ликвидирована ассоциация анархистов в Киеве, где были арестованы: Аккерман, Консе, Гофман и др. Проведены аресты и в других городах.

Арестовали дипломатических представителей повстанцев: секретаря штаба Попова, членов штаба Буданова и Хохотву, адъютанта Махно Середу, командира 2-го кавалерийского полка Зилченко, командира отряда Колесниченко, командира пехполка Кусенко, Чарина и других. Было арестовано 346 человек, из них 40 отправлено в московскую ВЧК.

Что касается Крымской группы нашей гвардии, то она не была забыта или оставлена на произвол судьбы. Окруженная превосходящими красными войсками в г. Евпатории, и осознавая опасность, какую уготовили ей красные, эта группа делала все, чтобы не поддаться на провокацию и не нарушить соглашения, не дать возможность большевикам обвинить махновцев в предательстве интересов пролетариата.

Это была наша беспечность, которая лишний раз подтверждает, что мы военные действия против красных не планировали. Нами предполагалась, как было оговорено в соглашении, борьба идеологического характера.

Кроме того, политическое соглашение было подписано полномочными представителями правительства Украины.

Почему же Фрунзе присвоил себе право нарушить договор, подписанный правительством? Кто дал ему полномочия на это?

Вот и получается, что повстанцев, мягко говоря, надули.

Мы считали, что порядочный человек и в противниках своих видит людей порядочных, а объявление повстанцев вне закона восприняли не как вину, а как беду. Покорность и смирение перед злом — это сдача в плен, в рабство. И невольно приходят на память слова П. Кропоткина: «Опасность, которой подвергается Революция, когда над ней господствует выборное правительство, так очевидна, что целая школа революционеров совершенно отказалась от этой идеи. Они понимают, что восставший народ не может путем выборов провозгласить правительство, которое не являлось бы представителем прошлого и не мешало народу совершить тот грандиозный экономический, политический и нравственный переворот, который мы называем Социальной Революцией.

Та партия, которая свергнет правительство, захочет сама занять его место. Она захватит власть в свои руки и будет действовать революционным путем. Она примет все необходимые меры, чтобы обеспечить успех восстанию, разрушить старые институты и организует защиту территории.

Всем, кто не захочет признать ее власть, — гильотина; всем, будь они из народа или буржуазии, которые откажутся подчиниться ее приказам, изданным с целью регулировать ход революции — тоже гильотина!..

Мы, анархисты, произнесли окончательный приговор над диктатурой, как одного лица, так и одной какой-нибудь партии, в сущности говоря, это одно и то же. Мы знаем, что одно лицо или одна группа не могут дать должного направления социальной революции. Мы знаем, что революция и правительство несовместимы; что одно должно убить другое, какова бы ни была форма правления; диктатура, королевство или парламент. Мы знаем, что сила нашей партии заключается в следующей формуле: “Только свободная инициатива народа может создать что-либо ценное и прочное, а всякая власть стремится убить эту инициативу...”»

«Господи, — думал я, — если бы нам хоть немножко понимания, милосердия, сострадания, и как много бы мы все выиграли».

Версия #1

██████████ ██████████ создал 5 апреля 2025 23:28:23

██████████ ██████████ обновил 5 апреля 2025 23:31:26